

ЛИНДА
АНГЕЛИНА

ВИЛАМИ

ПО

ВОДЕ

СТИХИ

Линда Ангелина

Вилами по воде

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70240891
SelfPub; 2024*

Аннотация

В трагедии земного бытия ни справедливости, ни милосердия... Стихи о судьбе, надеждах, радостях, потерях и разочарованиях.

Содержание

К читателю	7
Skazka	9
I	9
II	13
Путешествие 1	18
I	18
II	19
Озеро	25
Река	27
Знак	29
СНЫ ОСЕНИ	31
Омут	33
Темнеет	36
Часы	39
I	39
II	41
III	43
IV	44
V	46
Кошка	47
СВЯЗЬ	50
Путешествие 2	52
Путешествие 3	55

Словарь	57
О розе	62
Прошлым летом	66
Листья	69
Гора	71
Проводы друга	73
Книга	76
Голубка	79
Птичка	83
Бал	86
Сон	90
Ворона	94
Птица	101
Медуза	104
Черёмуха	107
Гостья	108
Беглец	110
Бессонница	112
Питер	114
Аквариум	117
Кино	119
Картина	122
Коробка	125
Шартрез	127
Драконы	129
Карусель	131

Письмо	133
Уроборос	135
Стекло	139
Сосед	142
Сирень	144
Путешествие 4	145
Путешествие 5	148
Урок музыки	151
Склянка	153
Бусы	154
Моменты осени	156
Итальянская музыка	158
C'est la vie	160
Чурбан	162
Баобаб	167
Собака	170
Иллюзион	172
Сентябрьская мелодия	174
Октябрьская мелодия	176
Oh It's a Lovely Day	178
Октябрь	180
Путешествие 6	182
Про женихов	187
Башня	191
Про льва	194
Про бегемота	196

Про любовь	199
Melbourne	201
Про бумажный самолётик	204
Дзен	206
Колыбельная	208
Судьба	210
Шиповник	213
Про феромоны	217
Декабрь	220
Межсезонье	221
Новогодний сонет	223
Гадание	224
Виноград	225
План	226
Шкатулка	227
Maritime Waltz	228
Февраль	229
Печальная сказочка	230
Путеводитель	231
Сонет N13	232
Квадрат	233
Городок	234
Sunset Melody	235
К Джоконде	236
Камень	237
Чётки	238

Линда Ангелина

Вилами по воде

К читателю

*Неужели ты, дружок, ещё читаешь,
а не в танчики играешь на диване?
Не в айфоне зависаешь, не бухаешь,
не на киче, не у Маши или Тани?*

*Оторвался ты, дружок, от коллектива,
у тебя то Пастернак, то Мураками –
не желаешь вместе с нами выпить пива,
погулять да помахаться кулаками –*

*значит, в жизни ты не понял ни черта и
от тебя какой-то будет толк едва ли,
если ты, дружок, сейчас стишки читаешь,
а не в баре вместе с нами, и не в зале;*

*так и будешь ты шуршать сухой листвою
по бульвару золотой порой осенней
неприкаянным, отверженным, изгоем...
В одиночестве.*

Наедине со всеми.

Skazka

I

Что я могу ещё сказать?
Всё сказано неоднократно –
Всё было сказкой – сказка за –
вершилась. Точка. Аккуратно
Последний закрываю лист,
Со вздохом ставлю том на полку –
Все жили счастливо и долго,
И все мечты у всех сбылись...

Смелей вперед, коль жребий брошен!
Пусть сказка – ложь, да в ней намёк:
Конец обязан быть хорошим –
Сплошное счастье, радость, мёд;
В конце уймётся суматоха,
Пойдёт принцесса под венец –
А если всё сегодня плохо,
То это, значит, не конец...

Звучит вполне оптимистично,
И сказкам всякий верить рад –

Но почему мне так мистиче –
ски не везёт за разом раз?
Я не усвоила урока
Из сказок главного – про жизнь:
Что сказки – ложь, а мир уродлив,
Безумен, груб, жесток и лжив...

А ты, мой принц, судьбой обласкан:
Квартирка, дачка и ниссан –
Но ты на вид слегка потаскан,
И что-то белое в усах,
И тело как у спящей таксы,
И голова кой-где лыса –
Так что не надо ваших сказок
Мне про любовь и чудеса...

Всё начинается как сказка:
Волшебный принц et cetera,
И маскарада свистопляска,
Гирлянды, люстры, мишура –
Танцуют гости в бальной зале –
Веселье, музыка, игра,
А на столах среди азалий
Клико и чёрная икра –
Как я люблю всю эту прелесть:
Влюбляться, ездить по балам

В костюме белом Синдереллы,
Чтобы к утру напиться в хлам –
Моё любимое занятие –
Напиться и свести с ума
Кого-нибудь – хотела б знать я,
Зачем? Не ведаю сама...

Но возвращаемся к принцессе –
С улыбкой жалкой на губах,
Одна, в печали, в грусти, в стрессе,
Сидит в итоге на бобах –
Без замка, без любви, без кошта –
Какой облом, какой обман!
Из всех друзей с ней только кошка
Да королевский доberman...

Не превратилась сказка в быль и
Протуберанцев нет в судьбе –
Забылись дали голубые,
Остался быт, ну и тд.
Всё поначалу было мило,
Но через время – вот сюрприз! –
Пока принцесса раму мыла,
Без мыла ловко смылся принц...

Шуршала шинами карета –

Казалось ей, что это явь –
Но тут петух прокукарекал:
Мёд превратился в горький яд,
Волшебный замок – в сущий ад,
Бал, принц, любовь – в обрывки бреда,
В лохмотья – свадебный наряд –
Таков финал у сказки этой...

II

Пора! Божественным апрелем
В изысканном pret-a-porte
В стакан, где были иммортели,
Налить божественный мартель
И хлопнуть весь стакан, зажмурясь,
И всё, и больше не вздыхать –
О Боже мой! Как это мудро!
Ну вот – теперь пора к стихам...

О это был смертельный номер –
Бежит размашисто строка –
Со мной ведёт беседу ноут:
Ещё есть срок до сорока,
И вообще – кого бояться?
Цела, как будто, голова?
И вид как будто вам семнадцать –
Бегут слова, летят слова –
И есть у вас еще лет тридцать,
Чтоб всё узнать про экзистанс,
Есть шанс бесследно раствориться
И приобщиться тайны тайн
Смирения, изведать силу
Страданий и страстей людских,

И боль, и непереносимость
Метафизической тоски...

На этом месте я вскричала:
Нет–нет! Прошу тебя, уймись!
Не заставляй меня с начала
Терзать сто раз всё ту же мысль!
И да! Есть время куролесить,
Бузить, не плакать ни о ком,
На остриях опасных лезвий
Босой солировать в трико
Из лайкры черной и блестящей,
В бауте, шляпе и плаще –
Портрет мой, кстати, настоящий,
Без искажений вообще...

Налейте мне ещё мартеля –
Даёт магический мартель
Мне просветленье, лёгкость в теле,
Летучесть – я хочу взлететь –
Мне левитации мгновенья
Дороже дней среди осин
Осенних необыкновенных,
Когда всё – золото и синь;
Когда сильней синее речка,
Где справа – заводь, слева – мост,

Где мне русалка каждый вечер
Своим враньём выносит мозг...

Уже качается по полной
Дубовый шкаф в углу моём,
Уже упасть стремятся с полок
Все книжки, что хранятся в нём,
Уже и стол куда-то едет –
О Боже мой, вот это жуть –
Не зря учил нас Грибоедов:
"Собрать все книги да и сжечь" –
Эх, сжечь все сказочные книги!
А заодно и замок весь,
Чтоб не качался и не прыгал,
Летя в астрал, теряя вес –
Ещё, пожалуйста, мартеля,
Чтоб мрак преодолеть и страх,
И номер повторить смертельный,
И тоже вылететь в астрал!..

Уже и ноут раскалился,
Уже видения кругом –
Гроза над морем, брег скалистый,
Разрывы молний, буря, гром!..
Таких симфоний и не снилось
Бетховену и иже с ним –

Поверхность волн воспламенилась!
Пучины вздыбились! И в сизом
Сверканье вихрей страшной силы,
Сам Ктулху вылез из глубин!..

Ну всё... пора кончать бодягу –
Что за стихи? И что за "брег"?
Закрою ноут мой и лягу,
Чтоб не писать какой-то бред –
И медленно сознание меркнет,
Как сумерки во мгле зеркал –
Допиться можно так до смерти,
Когда ни грушки, ни сырка...

В объятьях кошки и собаки
Я засыпаю как дитя,
И снятся мне под фуги Баха
Ставангер, Берген и октябрь –
Осенний день на побережье
Сегодня блещет синевой,
В листве деревьев солнце брезжит,
И бриз шуршит сухой листвой –
И лёгкий белый вертолёт
Из белого аэропорта
Летит над волнами offshore -
И – да,

Всё будет хорошо!..

Путешествие 1

1

Ты мягко стелешь, жизнь, но жёстко
Мне спать в твоих объятьях цепких –
Твоим зачитанным рецептам
Я предпочту страницу Джойса;
Твои заветы и советы
Мне вряд ли чем-то помогли бы,
Когда меня влечёт свет светлых
Созвездий знойного Магриба,
Палящая белоколонность
Далёкой Греции блестящей,
Где боги к людям благосклонны,
Где ждёт меня восторг и счастье
При виде брошенных небрежно
В зеркальность чистых вод прибрежных
Пелопонесских гор зелёных
И виноградников на склонах...

II

Напрасно я мусолю Джойса –
Едва ли я его осилю,
Переживание чужое –
По мне так бред кобылы сивой;
Людская пошлость и убогость
Мне редко кажется забавной,
И пусть признание выйдет боком,
Но модернизм не по зубам мне,
И сердце бьётся равномерно;
Сдаваясь после пары главок,
Из шкафа достаю Гомера –
Вот где есть всё о самом главном –
Про доблесть, подвиги и славу,
Воспетые когда-то Блоком –
Увы, я Блока знаю плохо,
В стихах я разбираюсь слабо,
Но я гекзаметров гигантских
Страницы в старом фолианте
Не променяю на богатства,
На золото и бриллианты ...

III

Когда перед тобой дилемма,

И нет ходов, и ты в цугцванге –
Беги!
Беги в прованский бледный
Лиловый дым полей лаванды,
К швейцарским царственным озёрам,
Уютной прелести Шварцвальда,
Беги к мозаикам Босфора,
Каналам Брюгге,
Венским вальсам,
К берегам туманным Альбиона,
Беги в Монако и Кордову –
И под *adagio* Альбинони
В Милан –
И всё начнётся снова...

IV

Порой шаблоны разрывает
Тоска, и всё уже не важно,
И дни отчаянья взывают
К шагам отчаянным отважным,
А так как в принципе не надо
Мне знать составы маринадов,
Салатов, соусов для пасты
С лимоном, мёдом и мелиссой,
Есть выход у меня в запасе –
Однажды ранним утром мгlistым

Открою дверь в восход осенний,
В рассвет –
По утренней росе я,
По лужам и опавшим листьям
В свою отправлюсь одиссею –
Уйду по улице Улисса –
Земли не чуя под ногами,
По лестнице у храма Зевса,
Откуда в сизой дымке гавань
Предстанет мне тарелкой севрской –
К причалу, где в тумане синем
Корабль сквозь дымку вырастает –
За ним вода стальная стынет,
Над ним лик лунный в небе тает –

Он в полдень курс возьмёт на Трою –
Я с ним уйду в чужие страны –
К лагунам, кипарисам стройным,
Огням смоковниц и вулканов –
Сквозь мглу Мессинского пролива
К просторам за Пелорским мысом,
Где рощи лавра и оливы
Как акварель вдали размыты –
Нам ветер северный попутный
Наполнит паруса тугие,
И будет ощущение, будто

Спадают камни, грузы, гири,
Замки кандалные и цепи
С души усталой ослабелой
По мере приближенья к цели,
И будет радость от победы,
Когда в латуни с перламутром
Воды, блестящей кожей рыбьей,
В двух скалах грозных цвета умбры
Увижу Сциллу и Харибду...

V

Чтоб этих описать чудовищ
Едва ли хватит мне таланта,
Но слов найдётся чудных вдоволь;
Так вот – циклопы и атланты
Там бы казались муравьями –
В кипящей адской чёрной яме,
В разрядах молний,
Фейерверках,
В огне,
Под гром в чугунных тучах,
Шторм, визги, вой в регистрах верхних –
И Деву вспомнишь Пресвятую
Сто раз,
Вплывая в сумрак тусклый
В последний час –

Страшнее смерти –
Когда корабль
Неторопливо
Подходит к узкому проливу...

Но я готова;
Я продвину,
Как я пройду сквозь узость горла –
Есть что-то в нас важнее, выше,
Чем наши страхи – смелость, гордость –
И вера – Бог пребудет с нами,
И выйдет всё благополучно –
В сопротивлении цунами
Я и себя узнаю лучше –
Узнаю выдержки холодной
Всепобеждающую силу
При виде хищных глоток злобных
Шестиголовой жадной Сциллы,
Хребтом почувствую харизму
Опасности, отваги, риска
В крошечной тьме пучин Харибды,
В водоворотах, вихрях, брызгах –

Глаза от ужаса зажмурив,
С бесстрашием необъяснимым
Под грохот грома, в рёве бури

Я всё-таки пройду меж ними!..

Озеро

У подножья горы, где маяк наблюдает за бухтой,
где как будто прибоем на склон занесло незабудки,
а побеги настурций в цвету забрались на причал –
в этих райских местах, где в воде отражается берег,
много разных чудес – от сирен до жуков-скарабеев –
это озеро Мичиган, Тун или, может быть, Чад;

вот туда, в те края, иногда я в моменты печали
отправляюсь ночами – иду по пустому причалу
и смотрю на мерцанье далёких озёрных огней,
на безжизненный в лунном свечении пляж опустелый,
на маяк, прорезающий полночь прожектором белым,
на чернильную гладкую воду и звёзды на дне...

Я давно это озеро знаю в мельчайших деталях –
от каскадов задумчивых ив в предзакатной потали
до названий притихших причаленных лодок и яхт –
с панорамой размытой, в тенях и оттенках бесцветных,
так похожей на сон в меланхолии лунного света,
что иллюзией кажется ночь, и вода, и маяк;

здесь с такой остротой ощущаешь свою одинокость,
безвозвратность потерь; лёгкий ветер озёрный доносит

дальний звон, перекличку сирен, тихий шелест листвы;
для чего ты всё так, как случилось, о Господи, сделал?
Уплывают во тьму к молчаливым лугам асфodelий
незабудки и россыпь настурций и трав полевых...

Мне нельзя здесь бывать – этот воздух для психики вреден,

я болею потом, но проходит какое-то время,
и меня снова тянет какая-то сила сюда
непонятно зачем – мне совсем не становится легче,
пустоту и тоску ни вино и ни время не лечат,
ни маяк в темноте, ни воды бесконечной слюда...

Опрокинуто звёздное небо в безмолвную заводь,
вдалеке в лунном свете мелькают огни, ускользая –
то ли духи озёрные, то ль караван кораблей –
между тем перспектива бледнеет, тускнеет пространство,
распадаясь на зыбкое множество пятен абстрактных,
растворяется фата-морганой и тает во мгле;

возвращаюсь под утро домой, по дороге замёрзнув,
наливаю вино в тишине беспросветной и мёртвой,
пью, грущу, вспоминаю – и видятся в красном вине
огоньки карусели озёрной... Господь милосердный,
пусть реальность моя будет тягостной, скудной и серой,
но пусть будет блестеть это лунное озеро в ней...

Река

Я ходила искать моего убежавшего Джека
По осеннему лесу, по колкой траве порыжелой
Над рекой с неподвижной водой ледяной молчаливой,
Где каскадом склонились безмолвно плакучие ивы –
Я искала его, я звала его: Джек! – и свистела,
Но ни звука в ответ из окрестных полей опустелых –
Только эхо порой возвращалось ко мне рикошетом –
Я всё шла и сквозь слёзы звала убежавшего Джека;
Опускался туман. Ключья белой шифоновой ткани
Расплывались над речкой, ползли у меня под руками,
Укрывали тропу средь озябших речных разнотравий –
Эти травы дурманили голову словно отравы –
Я блуждала по зарослям дрока, хвоща и манжетки,
И звала и звала моего убежавшего Джека...

Постепенно менялись цвета в глубине панорамы:
Растворялись в тумане густом краски осени ранней –
Превращались и небо, и лес, и речная лагуна
В монохромный эскиз лаконичный пером по латуни...

Я брела вдоль реки без дороги и плакала горько,
И в какой-то момент оказалась на голем пригорке,
И оттуда увидела вдруг очертания лодки,

И причал, и фигурки людей в поволоке бесплотной,
Старика на корме в балахоне чудном старомодном,
И собаку, к нему на колени приткнувшую морду –
Я хотела приблизиться к лодке, но некая сила
Удержала меня и спуститься к воде не пустила –
Я смотрела на старца и пса, и на лодку в смятенье,
И сгущался туман, превращая всё сущее в тени...

В эту ночь я казалась себе сумасшедшей и пьяной –
Это мог бы быть сон, но мой плащ был усыпан репьями,
И когда на заре к серебру подмешали мадженту,
Я снимала колючки с плаща, как снимала их с Джека;

Много раз я потом приходила на речку, мечтая
Посмотреть, как туман всё плывёт над водой и не тает,
Ощутить позвонками, как лодку качает вода, но
Просто рано пока, и не время ещё для свиданий –
Час придёт – примут здесь и обол, и копейку, и шекель –
Я увижу опять моего убежавшего Джека...

Знак

В деревенской кофейне, в тени, на прохладной веранде из старинного камня, среди сумасшедших гераней, под защитой разлапистой цепкой ливы винограда, в окружении клумб и рабаток с цветами, и грядок, где томилась и пухли на солнце гигантские тыквы, и какие-то травы клубились за ними впритык и источали густой аромат райской мирры, наверное, то ли уж не знаю, чего – я сидела с бокалом бандоля;

на душе было так же, как в небе – бездонно и пусто; я стихи сочиняла, примерно такие: допустим, все старанья мои, весь мой путь, весь мой жизненный поиск

ни к чему не приводят – ни радости нет, ни покоя, ни любви безоглядной, ни даже намёка на счастье, ни надежды, что завтра с утра станет всё получаться – и допустим, я сдамся, смирюсь, упаду лапки кверху – что останется мне? Только пить, только плакать, наверно; что же делать? Бежать? – я спросила Святого Трофима – и хоть тайные знаки бывают лишь в книжках и фильмах, вдруг увидела в ту же секунду, как белая птица появилась в зените – и воздух вокруг золотится...

Плыли в небе вдали низко над голубым горизонтом
чередой облака в виде снежных вершин иллюзорных,
и казалось, что движутся горы, гонимые ветром;
к ним тянулись поля невозможно лилового цвета –
и с бандолем моим ледяным, розоватым и лёгким,
я, забыв о печалях земных, любовалась полётом
белой птицы небесной, парившей как маленький ангел
над полями лаванды...

СНЫ ОСЕНИ

Это лето ушло не согрев, не порадовав толком –
Ни жары, ни купаний, ни счастья – дожди и дожди;
Убираю ненужные летние вещи на полки,
Закрываю шкафы – вот и всё, и закончилась жизнь...

В неприветливых сумрачных северных наших широтах
В сентябре в полседьмого уже за окном темнота,
И стучит день и ночь по стеклу мелкий дождик сиротский,
Нет от скуки осенней спасенья, всё как-то не так –
Потому и хандра, а иначе, наверное, я бы
Не ругала короткое лето, и осень, и год,
А варила варенье из красной рябины и яблок,
Ожидая смиренно любви от людей и богов...

Если б что-то ждала я – любви, или милости Божьей –
Не казалась бы жизнь, вероятно, иллюзией мне,
Не владел бы душой беспросветный покой безнадежный
Оттого, что ни счастья, ни яблок в реальности нет,
Оттого, что и сад, и летящие листья сирени,
И растрёпанный куст бузины у меня под окном,
И рябина, и банки блестящие, даже варенье –
Всё придумано мной и живёт лишь в сознание моём –
Нет нигде ничего – нет Нью-Йорка, Венеции, Рима;

Монитор ноутбука и звёздная ночь, и луна,
Телефонный звонок, тихий голос знакомый незримый
Снятся мне, существуя в обрывках осеннего сна...

Сон случайного разума в холоде вечной вселенной –
Одинокая жизнь человека – как есть, день за днём –
Всё течёт и течёт монотонно цветной кинолентой,
Бессюжетным абсурдом – ни смысла, ни логики в нём;
Всё, что видят глаза – абберрация, фата-моргана,
Персонажи – фантомы, виденья, миражная плоть;
Лунный лик оловянный и сад мой, заросший бурьяном –
Эфемерны, и я на ступеньках – фантазии плод;

Эпизоды плывут чередой как бессвязный делирий –
Так плывут облака, отражённые в тёмной реке –
Но бывает волшебно красивым трагический триллер,
И становится грустно мне в замкнутом тесном мирке –
И тогда я смотрю вечерами в глубь сферы небесной
На свеченье луны, на закат в золотистых огнях –
И глаза не могу отвести от мерцающей бездны –
И она тоже смотрит, возможно, из тьмы на меня...

Омут

Среди лугов, где солнечно, где запах
Цветущих трав мне голову дурманит,
Течёт река – в ней шёлковые рыбки
Играют в салки, нежатся улитки
На мелководье, плавают туманы
Под утро – там, в кустах ольхи, есть заводь;

А в заводи, таинственной и томной,
За мокрым пнём и тряской ряской жалкой,
В том месте, где склонились молчаливо
Плакучие серебряные ивы,
Где лилии, и где живет русалка,
Во мгле ветвей укрылся тёмный омут...

Обходят это место стороною
Все жители деревни нашей дачной,
Когда идут в малинник за малиной,
Другой предпочитая путь, пусть длинный,
А к заводи, заманчивой и мрачной,
Собака даже не идёт со мною...

А я люблю бывать здесь, мне не страшно -
Я прихожу нарвать плавучих лилий,

И помечтать, и поболтать с русалкой,
Когда закат в полосках бледно-алых
Размыт печалью тусклых синих линий
И пятнами оранжевой гуаши...

Русалка мне рассказывает сказки,
В них ложь мешая с горькой правдой жизни
И с истиной, и с вымыслом невинным,
И я вздыхаю – вывод очевиден -
Жизнь такова, какую заслужили -
А между тем, небес сгорают краски;

И я прошу мне рассказать про омут -
Что в нём на дне? Какие скрыты тайны?
В журчанье слова каждого за словом
В ночи вникаю с жадностью, и словно
Гляжу на фотоснимок моментальный -
Цветной, но неразборчивый и тёмный...

"Незримый глазу круг в воде очерчен,
И яма здесь без дна страшнее ада -
Конец пути для путников беспечных -
В ней все мертво, черно и бесконечно,
Во тьме лишь черви водятся да черти -
Тебе туда заглядывать не надо...

Вот и любовь – такой же тёмный омут -
Нырнёшь, не глядя – можно там и сгинуть;
На дне бутылки битые да камни -
Не оторвать бессильными руками
Пиявок хищных, спрятавшихся в тине,
И цепкие хвосты травы придонной...

Ступай домой, тебе пора согреться -
Прохладно стало... Видишь, оловянный
Повис лик лунный в сумерках беззвёздных?
Иди домой, пока ещё не поздно" ...
Я ухожу, но омут окаянный
Все снится мне, моим владея сердцем...

Темнеет

Темнеет сад осенний за окном,
а я смотрю в окно, как сад темнеет –
так, будто бы в окне идёт кино –
фильм этот предназначен только мне, и
лишь для меня на небе карамель
зари вечерней тает незаметно,
и золото листвы во тьме теней
тускнеет, меркнет до оттенков медных,
и для меня плывёт в стекле окна
луны безмолвной профиль оловянный,
печально светит уличный фонарь
и сад темнеет.
Скоро он увянет.

Да, что поделать, друг – уже октябрь
скулит, шуршит листвой в саду осеннем –
о, не стеной так жалобно хотя б –
от этих мантр унылых сердце щемит –
и ветру я шепчу: прошу, уймись,
не завывай как пёс, помилосердствуй –
умерь свой пыл и не смущай умы
невнятным и безрадостным концертом –

мне что-то грустно – может, это грипп,
усталость и хандра к концу недели –
для излечения гриппа и хандры
налью в стакан немного зинфанделя,
взгляну в окно: там сумеречный сад –
спуститься в сад на поиск приключений?

Нет. Там темно. Боюсь. Пути назад
я не найду, боюсь. Да и ключей нет.
Достать, быть может, пачку сигарет
из жестяной коробки от бисквитов?
Поразмышлять о зле и о добре,
необъяснимо в жизни перевитых –
зачем, когда мечтаешь ни о чём
и ждёшь явления бога из машины,
вдруг ниоткуда выскочит то чёрт,
то средний палец, то король мышиный?

Темнеет сад. Я зажигаю свет –
свет отразился в стёклах многократно,
и сад пропал. Погас. Исчез бесследно
в зазеркалье за окном квадратным.
Там только тьма. Ни сада, ни луны,
ни звёзд, ни елей, ни летящих листьев,
ни выстрела, ни лопнувшей струны,
ни шороха, ни шёпота, ни свиста –
там, за окном, реально ничего.

Внутри – фракталы ламп и отражений
огней в зеркальных стёклах, хоровод
флаконов, лент и всяких штучек женских,
сверканье света сумеркам назло
в хрустальных гранях тонкого стакана –
тьма за окном. Ни музыки, ни слов.
Не потому ль в душе тоска такая?

В реальности таятся чудеса:
потушишь лампу – явится свеченье
за окнами – там дремлет лунный сад,
волшебный плод полночных превращений –
включаю свет, и чёрной шторой ночь
опять скрывает от меня земное
и молча смотрит в дом через окно...
Конец кино.
Я закрываю ноут.

Часы

I

В часах песочных кончился песок -
Пора перевернуть их вверх ногами,
И пусть песок струится, невесом -
Бег времени устроен так богами,
И так осуществляется замер
Минут, часов и дней – сквозь узость горла
Бежит песок, вместивший жизнь и смерть,
Любовь, тоску, и многое другое...

В потоке серых равнодушных лет
Редки крупницы радости, и радость
Как сахарный песок блестит в стекле
То тут, то там, горя огнями радуг
Средь кварца тусклых выцветших кристаллов,
Истёртых за века служенья тьме -
Ни цвета в них, ни света не осталось,
Ни черт особых, знаков, ни примет -
В них ни черта – одна сплошная серость,
Их дело – нас объёмом обмануть,
И потому-то так и больно сердцу,

Что мало в жизни радостных минут...

Как часто мы о времени жалеем,
Что так бездарно прожито оно
В туманной тусклой сумеречной мгле и
Песком бесцветным сыпано на дно
Не чищенной давно стеклянной колбы -
Она полна, часы перевернуть
Пора, и снова пусть бежит без толку
В стекле песка мучительная муть...

II

Итак, часы стеклянные имеют
Подставки из латуни с двух сторон,
На узкой талии – кольцо из меди;
На дне подставки вычеканен монстр
Ужасный страшный – может быть, химера -
Две головы и змеевидный хвост -
В венке из листьев дуба и омелы,
И трав, похожих на чабрец и хвощ;
На дне другом – изношенный нечёткий
Латунный образ – видимо, Харон -
А кто ещё сидеть так будет в лодке
Понура, терпеливо? Только он -
Устало дремлет, как бы намекая,
Что нас он ждёт, он свой исполнит долг,
Что время жизни быстро протекает,
Перетекая как песок меж колб -
Песок засыплет, спрятав под собою
Год, месяц, день недели и число,
И факт, и ужас, и бездонность боли,
Меня, тебя, и вздох, и сухость слов -
Укроет постепенно ровным слоем
Забвенья, пепла, глин и новых почв
Бесследно всех –

И не было нас словно -
Пылинок, ветром унесённых прочь...

Жизнь мимолётна, друг мой, что поделать?
Для вечности она – один лишь миг,
Он сменится другим – на свете белом
Круговорот, и всё старо как мир -
Что было прежде, то всегда и будет,
И, как заметил мудрый Соломон,
Всё суета, и есть и будут люди
Всё теми ж до скончания времён -
Не изменить ни принципы, ни нравы,
И будет глаз за глаз и кровь за кровь,
И слабый – виноватым, сильный – правым,
И труд тяжёл, и горек хлеб, и кров
Не гарантирует тепла, защиты -
И может всё твоё похитить враг,
И все надежды белой ниткой шиты,
И не дожить до торжества добра;
И будет вечно ревность и измена,
Любви мученья, слёзы и печаль,
В фаворе зло, и нет, увы, сомнений,
Что завтра будет то же, что сейчас...

III

Заклочена магическая сила
В песке внутри двух замкнутых пространств -
Та, что живёт в целебных элексирах,
Способствующих заживленью ран –
И пусть не учит время – время лечит,
Реальность превращая в миражи -
Стихает боль, и как-то сердцу легче
Среди химер, и можно дальше жить
Хоть как-нибудь,
И жизнь, наверно, стоит
Допить до дна, тем более, одна
Она у нас,
И даже «Всё пустое»
Сказать, когда к концу придёт она...

IV

Такие вот часы. Запас песка
Рассчитан в них на сутки до минуты -
Я каждый день за ними лезу в шкаф,
Снимаю с полки, чтоб перевернуть их;
Им лет пятьсот, наверно; их дизайн
И стиль напоминает о легендах
Брабанта про русалок и пейзан,
Про тайны магов Брюгге или Гента,
Про факелы, горящие в ночи,
Про гладкие и тёмные каналы
И про метанье тени от свечи
По стенам гулких и пустынных залов,
Затем по узкой лесенке наверх,
И далее по каменным холодным
Проходам к двери низкой, и за дверь,
К реке и вязам, где укрылась лодка...

И вижу снова будто наяву
То ратушу, то шпиль, то побережье;
Колокола, воды шуршащий звук
В колёсах мельниц слышу;
То воскресший
Из памяти, является Брюссель,

Поля в тумане и старинный замок -
Сменяется картинок карусель,
И Фландрия плывёт перед глазами -
Я мысленно лечу туда на крыльях -
Ведь в маленькой таверне где-то там
Песочные часы и подарили
Мне гномы и волшебный великан...

V

Зачем тебе про это, друг мой, знать,
Когда зима и тьма, пора депрессий?
Но за зимой опять придёт весна
И лето с ароматом нежных фрезий,
Сезон морских купаний и любви,
Бикини, пляжей, дальних путешествий,
И приключений всяких, и любых
Соблазнов воплощённых сумасшедших -
И горечь потеряет остроту,
И память повторит свой вечный фокус -
Всегда практичнее влюбляться в ту,
Кто рядом здесь с тобой на летних фото
Под парусом на ласковой воде -
И будет всё прекрасно, друг мой, верь мне -
Часы я обещаю каждый день
Переворачивать,
Чтоб продолжалось время...

Кошка

Осиротела кошка. Одиноко
Неслышно ходит в комнатах пустых,
Где из живого – только свет из окон,
В аквариуме рыбка, да часы –
Отсчитывают тихие секунды;
Прошла зима – она хозяев ждёт,
Но тает свет её надежды скудный,
Как тает снег последний под дождём.

Полночный месяц режет жизнь на сутки,
Раскручивая времени моток –
Число лоскутьев не меняет сути –
Утрата обернулась немотой;
В трагедии земного бытия
Ни справедливости, ни милосердия,
Но знает кошка так же, как и я –
Любовь не прерывается со смертью.

Нет слов сочувствия и утешенья –
Лишь вздохи; прижимаюсь лбом к стеклу,
В безмолвии гляжу в ночную мглу,
Ловлю скольженье бледной лунной тени
И думаю: вот кошка, ждёт хозяев –

Но ведь оттуда, где они, не смог
Никто назад вернуться... Уходя, я
Дверь молча запираю на замок.

Мне бесконечно эту кошку жалко –
Сидит, тоскуя, целый день одна,
Гладит в окно, качается в качалке –
И всё, и никого, и тишина;
Я захожу к ней пару раз на дню,
И кажется, она ко мне привыкла,
Приходит на колени помурлыкать –
Признала всё же, видно, за родню;
Я сыплю корм аквариумной рыбке
В зелёный мглистый тёмный водный сон,
И рыбка смотрит сквозь стекло с улыбкой
И шевелит шифоновым хвостом.

Май... Жизнь бежит, весна, и всё в порядке –
Квадраты солнца греют синь ковра,
Блестят в шкафах, ложатся на кровать –
Я глажу кошку, мы играем в прятки,
Глядим в окно, качаемся в качалке –
Но между нами тайная стена –
Мне не развеять кошкиной печали,
Ей грустных дум моих не разогнать –
И сколько ни прикладывай усилий,

Стены незримой не разрушить нам,
И тех, кого мы обе с ней любили,
Ей я не заменю, а мне – она.

СВЯЗЬ

Посидим на веранде, мой белый светящийся ангел – день сегодня волшебно красивый осенний в офлайне – связи нет в www, не хватает какого-то кванта – видно, важного кванта, раз дело настолько неладно; связи нет, милый ангел, нет межгалактической связи, да и много чего ещё нет, ангел мой, очень много, но отсутствие связи – из самых больших безобразий, даже больше, чем водка у нас, дураки и дороги;

есть о чём поболтать, белоснежный печальный мой ангел: о мечтах, например – я в мечтах безнадёжно увязла; о физической связи, о связи экзистенциальной и о тайной мистической метафизической связи – время есть обсудить то да сё, что к чему, милый ангел: если связь есть, то нету обычно ни жизни, ни денег, сил и времени, выбора, выхода нет, мы в цугцванге, в голове ничего кроме звонкой пустой дребедени –

а сегодня тепло и светло, ветер юго-восточный слабо-сильный, и я по опавшим растоптанным листьям и по лужам вчерашним, и грязи отправлюсь на почту, узнавать, нет ли там для меня затерявшихся писем; а на почте висит возле входа плакат грандиозный:

"Мы на связи с тобой!" – гордо реет печатное слово – а под ним на столе одинокий стоит гладиолус из пластмассы в бутылке обрезанной от кока-колы –

из окошка глядит на меня белоглазая тётя,
долго вертит мой паспорт, сверяя прописку и фото:
"Пишут вам" – говорит, и сочувствует, мол, недотёпа,
ждёт как дура, что может, напишет ей что-нибудь кто-то –
"Так что смело идите домой и, возможно, что скоро –
через день или два, или год, не скажу, через сколько –
вам напишут", – и смотрит с такой невозможной тоскою,
даже, можно сказать, со вселенской всей болью и скорбью;

по дороге домой покупаю себе шоколадку
за пятнадцать рублей в магазинчике старом на горке –
пусть хоть сладко мне будет, раз всё так выходит нескладно,
пусть хоть сладко мне будет, раз всё так мучительно горько...

Путешествие 2

Еду утром в субботу по Малой Лубянке
мимо спящих домов, магазинов и банков,
через мост над рекой, на восходе янтарной,
разрезаю Москвы концентрический тартар,
и, минуя бессонные шумные кольца,
выезжаю за МКАД где-то возле Подольска,
а потом на шоссе с гулким именем «Дон»
пробираюсь с трудом;

путь сегодня нацелен на поиски рая:
знаю твёрдо, что если сейчас постараюсь,
то найду его здесь, потому что есть метка
в яндекс-картах, и я доберусь непременно –
по оврагам, лугам, может, по бездорожью,
с навигатором верным и с помощью Божьей
отыщу среди лесов и полей, и просёлков,
пустырей и болот – в общем, мест невесёлых –
рай земной, сад эдемский, блаженные кущи...

Только в этих ландшафтах, невзрачных и скучных,
где я, следуя чьим-то инструкциям тайным,

целый день провела в одиноких метаньях –

не нашла я обители обетованной,
ни олив и ни пальм – борщевик, одуванчик,
вместо мирта и роз – лопухи и крапива,
да осот вдоль дорог, припорошенный пылью –
всё не то, и надежда во мне умирает:
в этих скудных пространствах не может быть рая –
открываю окно: то ли вой, то ли лай –
нет, здесь точно не рай.

Рая нет ни в Рудинах, ни в Ситне, ни в Видном –
может, рай жалким грешникам просто не виден?
Может быть. Но, скорей, просчиталась я в чём-то,
хоть мой план изначально простым был и чётким:
если есть на вселенских просторах Зарайск –
значит, там же и рай.

Не пойму почему, но короткий топоним
моё сердце неясной надеждой наполнил,
что не где-то в долине Евфрата и Тигра,
а в родном захолустье, бесцветном и тихом,
не в Персидском заливе, не возле Тебриза,
а среди подмосковных осин серебристых,
словом – рядом, поблизости, в этой же жизни –
и покой, и любовь, и мечты достижимы;
захотелось увидеть своими глазами,
заглянуть хоть на миг в райский сад этот самый...

Я изъездила местность от края до края –
ни намёка на нечто, подобное раю –
лишь туманные дали, тоска и безлюдье –
непригодно для счастья здесь всё абсолютно,
и зловеще пылает лиловый закат –
разве это не ад?..

Всё обман. Рая нет. Мне пора возвращаться.
Ночь накроет вот-вот землю тьмой беспощадной,
солнце скрылось за тучей, спускаясь на запад,
и последним лучом осветило внезапно
панораму дороги, прямой и пустынной:
в полумгле придорожные ели застыли,
впереди перекрёсток мигает мигалкой,
с двух сторон – терриконы заброшенной свалки,
бесконечные склады, ангары, заборы,
в перспективе – растаявший в сумерках город;
вспыхнул золотом, будто огнём загораясь,
крест далёкий над куполом церкви зарайской –
луч скользнул по дороге, блеснул, уползая,
и в последний момент осветил указатель –
грязный щит с еле видимыми буквами "...рай..." –
лужу, трактор, сарай...

Путешествие 3

По дороге в Загорск череда деревень,
Чёрных домиков скромных на фоне замёрзших черёмух –
Обветшалый забор, конура у дверей –
Монотонный унылый пейзаж, торжество монохрома;
По дороге в Загорск в январе так бело –
Горы снега на крышах, сугробы под самые окна,
Белый дым над трубой, на верёвке бельё,
От натопленной печки оконца слезятся и мокнут;
По дороге в Загорск по ночам только тьма,
Непроглядная тьма до рассветного позднего часа –
Ни души, ни огня – и, возможно, дома –
Лишь фантомы, ведь эти места непригодны для счастья;

По дороге в Загорск закрываю глаза
И невольно впадаю в далёкое ясное детство –
И вперёд не хочу, и назад мне нельзя –
Замираю на грани потерь, разрушений и бедствий –
По дороге в Загорск не хочу вспоминать
Ни о ком, ни о чём, или сердце моё разорвётся –
Пусть забудется всё, пусть молчат имена,
Погребённые в тёмных глубинах глухого колодца;

По дороге в Загорск оценить результат

Грешной жизни моей получается легче и лучше –
Что осталось со мной? Ничего. Пустота.
Не просторы небес – небеса, отражённые в луже...
По дороге в Загорск понимаешь, что жизнь –
Уязвимый, навязанный свыше нам модус вивенди,
И её механизм из колёс и пружин
Управляем не мной, и однажды закроется вентиль –
По дороге в Загорск под скелетами лип,
Занесённых пургой и укрытых снегами по пояс,
Меж оград и крестов, дат, фамилий и лиц,
С фотографий, глядящих мне в спину, и я успокоюсь...

По дороге в Загорск представляю Загорск –
Там тепло, там весна, авлетриды играют на флейтах,
Набухают ростки астр, монард, мандрагор,
Зацветает миндаль, виноградники в листиках клейких...
По дороге в Загорск всё синей полумгла,
Оттого и тоска, меланхолия сумерек ранних –
Позолотой блеснули вдали купола –
То ли это Загорск, то ль закат в глубине панорамы...
По дороге в Загорск мир за окнами стёрт,
За стеклом в темноте только месяц да звёздочек горстка –
И неважно совсем, долог путь или скор
До обители райской, мечты, утешенья – Загорска...

Словарь

Зачем я на чердак пришла – не помню,
но то, что был крещенский ясный полдень,
сияло солнце – помню как сейчас;
зачем – не знаю – книжный шкаф открыла –
стеклом блеснули дверцы, словно крылья
стрекоз прозрачных в солнечных лучах;

дубовый шкаф, громоздкий и немодный,
перенесли сюда из-за ремонта –
в нём было столько книг, что голова
протестовала – ну а в этот полдень
из любопытства я достала с полки
одну – старинный, с ятями, словарь –

тяжёлый фолиант русско-английский –
внутри нашлись засушенные листья
поблекшие – таким бывает сон,
оставшийся среди воспоминаний
о чём-то добром: детстве, доме, маме –
с далёких незапамятных времён;

давнишний, кем-то собранный гербарий:
казались полустёртыми гербами

листки берёз; потрескалась поталь
осин осенних листьев; клён, шиповник –
гербарий был печали преисполнен
и символов, значения и тайн...

Листая пожелтевшие страницы,
то льна цветок найдя, то медуницы,
рассматривая букв изящный стиль,
я добралась до середины тома,
где странный артефакт какой-то тёмный
хранился меж глаголов и астильб:

пыльца, труха, останки, отпечаток –
след бабочки, уснувшей среди причастий
и прилагательных на букву "С"
мне показался редким фотоснимком,
магическим значком необъяснимым,
феноменом и чудом из чудес –

в словарные страницы впрессовался
и в буквах голограммой красовался
персидский чёрно-синий махаон,
и две страницы в сине-сизых блёстках
хранили абрис крупных крыльев плоских
чешуекрылого иных времён –

из бархатной пыли прелестный пленник –
наверное, сюда из параллельных
миров перелетел, чтобы предстать
мне здесь, где в свете солнца пыль искрится,
где я открыла книгу на странице
на "С" – на слове "северь" с буквой "ять" ...

Любуясь дивной бабочкой столетней,
я ощутила дуновенье летней
июльской жизни посреди зимы,
и махаон был, видимо, посланник
неведомых миров, иных пространств и
каких-то измерений неземных;

и тут внезапно, явственно и чётко,
я разглядела лоб высокий с чёлкой
на отпечатке, сделанном пылью –
рот, скорбно сжатый, тонкий нос с горбинкой –
в мгновенье я увидела в картинке
Ахматовой надменное лицо ...

Но что-то отвлекло моё вниманье,
и обернулся зрительным обманом
мистический ахматовский портрет,
знакомый мне по стародавним фото –
сместился то ли ракурс, то ли фокус –

и образ растворился в серебре:

передо мной печально распластались
пыльцы остатки с блеском сизой стали
фантазией, ожившей наяву –
сквозь крылышки проглядывали буквы –
и вдруг во мне возникло чувство, будто
всё это мне знакомо – дежавю:

я точно знала, что на триста пятой
странице быть должны от свечки пятна,
одно – похожее на остров Крит –
и хоть эмоции – плохой советчик,
но я нашла те два пятна от свечки,
страницу триста пятую открыв...

Словарь и крылья бабочки из шёлка
я видела когда-то; пепел жёлтый
истлевших роз, и тмин, и розмарин
среди листов, и тусклой кожи роскошь –
мне показалось, будто в жизни прошлой
словарь старинный этот был моим;

мне почему-то стало как-то грустно,
и мысль легла на душу тяжким грузом,
что в бабочках причина всех проблем –

и в том, что мне сегодня одиноко,
и в том, что тихо тает свет из окон,
и всё несовершенно на земле –

другая, может, бабочка беспечно
летела на огонь горящей свечки,
свершив случайно аутодафе –
мир строен был, пока она порхала,
но гибель всю систему ввергла в хаос –
и вот – *in vivo* бабочки эффект...

И долго в зимнем холоде чердачном
я думала: что может это значить?
Откуда эти ощущения вдруг?
А просто я – звено в сплетённой Клио
истории кровавой несчастливой,
в которой все в конце концов умрут...

Мне не понять, напрасно и стараться,
о чём напомнил прах сухих акаций –
но да – напомнил – что и почему?
Природа этих странных аберраций,
как многое на свете, друг Горацио,
уму непостижима моему...

О розе

Белый лист: появляются первые знаки,
Возникают слова, комбинации, фразы,
Проясняются формулировки – признаться,
Я люблю сочинение пусть несурзных,
Обращённых к Всевышнему жалоб и кляуз –
Не хватает чернильной разлапистой кляксы...

Возмущению бегущей строки нет предела:
Искривиться бы, вылезти в три измеренья –
Но линейность пробега по плоскости белой
Превращает ткань хаоса в стихотворенье,
И не вырваться слову из строгого плена
Равномерной скупой геометрии ленты...

Закрываю глаза: в средоточии строчек,
Букв, тире, запятых, двоеточий и точек
Не содержится главного – розы уплывшей
По зелёной воде ледяного течения –
Без неё, я боюсь, меня Бог не услышит
И забудет опять обо мне по прочтении...

Неохота словам рисовать эту розу –
Раз за разом выходит из знаков бездушных

То железная роза, то роза из бронзы –
Тонет роза в созвучиях грузом ненужным –
Мне такой материал непригоден тяжёлый –
Цвет у розы, плывущей в воде, бледно-жёлтый:

Бледно-жёлтая роза плывёт на закате
По холодной зелёной воде молчаливой –
Воздух пахнет фиалками, сладким мускатом,
Наклонились безмолвно прибрежные ивы
Над намокшим цветком, проплывающим мимо,
И горят небеса серебром и кармином...

Вероятно, малькам и придонным улиткам
Роза видится чем-то чужим и ужасным,
Как и лилий плавучим кругам; ряски липкой
Островки неподвижные в страхе ужались,
Созерцая безмолвный покой бледно-жёлтой
Розы сонной, скользящей по водному шёлку...

Ветерок над водой дуновением беглым
Пролетел посмотреть, что там вверх по течению?
И откуда цветок этот вымокший блеклый –
Не утопленницу ль в кружевном облаченье
Волны плавно несут по реке среди мелей,
Вынув розу из пальцев её онемелых?

Нет, там нет никого – только розовый клевер,
Только ивы плакучие, мох да очанка,
Только я на развилке: направо – налево? –
Оказалась там в эту минуту случайно –
Я ведь тоже плывущую розу видала
В освещении тусклом опалово-алом...

...Реку времени медленно я проплываю
Мимо лилий застывших и влажной осоки –
Впереди горизонт предзакатный пылает,
Месяц призраком встал в синеве на востоке,
Опускается солнце всё ниже и ниже –
Что здесь будет потом – я уже не увижу...

Постепенно забудется всё, что осталось
Позади по маршруту извилистой поймы –
Будет только покой, отрешённость, усталость –
Ни особых примет, ни деталей не вспомню
Звуков, лёгких теней, отражений прозрачных –
Их названья забуду, и что это значит...

В аберрациях памяти есть своя прелесть –
Сумрак мыслей о прошлом не мучит как прежде,
Не мешает слышать напевы свирели
Гром небесный, звучащий всё глуше и реже –
Забывание – счастье, беспомыслие – помощь:

Ты свободен, тебе повезло – ты не помнишь...

Вот и всё, вот и весь невеликий мой опус –
Роза тает в тумане меж явью и снами,
Исчезает во времени призрачный образ,
Вместе с ним растворяются воспоминанья
О цветущих лугах, земляничных полянах,
Хищных рыб плотоядных глазах оловянных,

Цепких жалах подводной травы ядовитой,
Лёгких бабочках белых и синих стрекозах –
Том, что было так важно, но ныне забыто –
Как погода на прошлой неделе для розы,
Безвозвратно уплывшей в вечернем свечении
По зелёной воде ледяного течения...

Прошлым летом

Неожиданно и странно прошлым летом
потерялось где-то время ненадолго –
в мрачной чаще заколдованного леса,
в космах белого тумана над водою –

и мгновенно начались потери в доме:
деньги, вещи, люди, кошки и собаки
пропадали словно в омуте бездонном –
в том числе айфон, ключи и двести баксов;
отовсюду страхи тёмные полезли,
знаки тайные являлись мне кругом, и
в этом ужасе понятно стало: если
было б время, всё бы было по-другому...

У кого-то в красной шапочке с помпоном
я спросила: «Как мне жить? Какого чёрта
не спешит ко мне ни «Скорая» на помощь,
ни наряд пожарных в касках золочёных?
Где астрологи? Где физики и маги?
Экстрасенсы и полиция с ищейкой?
Как с безвременьем справляться мне, бедняге?
Пусть подскажет хоть учёный, хоть священник –
пусть ответит внятно, коротко и честно

талмудист, буддист, да хоть марксист-безбожник:
разве может время временно исчезнуть?
Как такое, объясните мне, возможно?

Почему – кто растолкует этот казус –
те, кто нужен мне всегда, ежесекундно,
все покинули меня как по приказу,
сделав жизнь мою безрадостной и скудной?
И куда теперь бежать и где спастись
от с ума сошедшей мойры черноглазой?
Объясните, для чего весь этот саспенс?
Долго Айса будет ножницами лязгать?»

Ничего мне этот кто-то не ответил,
лишь крылом махнул точёным обречённо
и слетел неслышно с яблоневого ветки,
и растаял в синем небе точкой чёрной...

Но однажды все часы пошли смиренно,
так, как будто ничего и не случилось –
за окном всюду цвели кусты сирени,
и айфон лежал в кармане, и ключи, и
даже кошка обнаружилась в прихожей –
из далёких возвратилась путешествий –
правда, стала совершенно непохожей
на себя – хвостом, ушами, цветом шерсти –

из живых она одна ко мне вернулась,
но зато нашлись и деньги, и предметы –
и остались горемыки – я и Мура –
в декорациях июньских прошлым летом...

К сожалению, люди врут, что время лечит –
что ни день, то слёзы льются, сердце щемит –
целый год прошёл, а мне не стало легче,
и не жду ничьих я больше возвращений –
вот опять июнь: сирени запах клейкий
меланхолией притихший дом наполнил –
всё совсем как это было прошлым летом –
и часы идут и прошлого не помнят...

Листья

Кофта, боты и зонт – я иду на прогулку
Вдоль заборов по дачным пустым переулкам,
Где закрыты дома, где разъехались все -
Бал окончен, актёры покинули сцену,
Жизнь умолкла в промокшем театре осеннем,
Только задник остался висеть -

Декорации пышные убраны; листья
Облетают с берёз в тишине закулисья -
Дни последние света и цвета игры -
Хоть горят ещё красным огнём бересклеты,
Скоро ветер оставит здесь только скелеты
Бересклетов, сирени, ирги;

И себя ощутить мне нетрудно сегодня
Лёгким жёлтым листочком, парящим свободно -
Если голову к небу поднять
И смотреть, как гоняет листву в каруселях,
Веерах, золотых фейерверках осенних
И каскадах небесный сквозняк...

Кроны клёнов озябших шуршат как пергамент,
В лужах небо плывёт у меня под ногами,

И летят надо мной караваны листвы -
Улететь среди них в чередѣ золотистых,
Медных, охристых, алых и бронзовых листьев
Над пожаром кустов огневых -

Голубая мечта, невозможное счастье –
Вместе с листьями в небе кружить и вращаться -
В лужу выбросить боты и зонт;
Плыть и плыть в синеве за моря-океаны
И забыть этот северный рай окаянный,
Как случайно увиденный сон...

Гора

А у меня, друзья, плохая новость:
обрушилась горбатая гора –
ещё стояла здесь позавчера,
была гола, но выглядела сносно –
и вот вчера вдруг рухнула с утра
в морской прибой, меня оставив с носом –
она меня держала – я утра-
тила мою опору и основу,

и в результате чувствую себя
полночным кораблекрушением в бурю
под небом грозным, сумрачным и бурным,
и безуспешна и жалка борьба
во тьме кромешной со стихией буйной –
и, наблюдая крах мой, процедуру
верша бесстрастно страшного суда,
злорадно усмехается судьба...

Тебе, судьба жестокая, смешно?
Мне не понять, как может невезенье
моё смешить как маковое зелье,
дурман и забродившее вино –
страшат твои усмешки и веселье,

и аутизм твой, и твоё безделье,
а бег твоей бесшумной карусели
меня, судьба моя, сбивает с ног...

Проводы друга

By Li Bai

Seeing a Friend Off

Translated by A. Z. Foreman

*The dark hills stretch beyond the northern rampart,
White waters wind around the eastern wall
From this place where we do one deed of parting,
Tumbleweed has a thousand miles to sprawl.
A floating cloud: all that a wanderer thinks.
A setting sun: all an old friend can say.
It is goodbye, and as we wave our hands
Our parting horses cry and neigh, and neigh.*

Ли Бо

Проводы друга

(По англ. переводу А. Формана)

Мрачные горы простёрлись за северной башней

Белые воды свернули к востоку за стену

Здесь, в этом месте, где мы расстаёмся

Путь в сотни вёрст одолеть оторвавшимся клочьям

травы перекатной

Облако в небе плывёт: вот что думает друг уходящий

*Солнца закат: всё что может сказать старый друг
Это прощанье, мы машем друг другу руками
Лошади наши прощаются тоже кланяясь кланяясь пла-
ча...*

(VIII в.)

Проводы друга

Бессонницы приходит час блаженный –
беру стихотворение любое
Ли Бо – хоть это: путь – мой друг – прощанье –
здесь восемь строк всего – но сколько боли,
поэзии, прозрачности, печали,
намёков, умолчаний, отражений...

Клочком ничтожным перекасти-поля,
подвластным ветру облаком, уходит
мой друг – как сотни вёрст он одолеет?
При нём льняной мешок, лепёшек полный,
бурдюк вина – и, знаю, неохота
ему идти, но он меня смелее...

Привал назначен первый за горами –
туда ведёт дорога: конь проворный
получит передышку там, а дальше
продолжит трудный путь от храма к храму
по бездорожью, по тропинкам горным –
жизнь – путь, на всё благоволенье дао...

Дойдёт ли, доберётся он до цели?
Погибнет в непогоду ли, плутая
в безмолвии туманного Тибета?
Увижу ли тебя, о друг бесценный?..
Полоска в небе тает золотая –
дождей, ненастья верная примета...

Мой друг серьёзен, собран и спокоен –
погладил меч, поправил рысью полость
и, обернувшись, помахал рукой мне –
и я махнул в ответ –
а наши кони
друг другу шлют прощальные поклоны,
склоняясь низко и рыдая в голос...

Книга

Вот непрочитанная книга
на хинди или на арабском:
мне, даже если постараться,
в суть этой книги не проникнуть;

страницы медленно листаю,
ищу хоть пару букв знакомых,
и удивляюсь неспроста я
письма неведомым законам
загадочного диалекта –
нас, поколение новояза,
легко пленить великолепной
каллиграфической вязью –
но я едва ль освою свойства
морфем, артиклей и глаголов –
чужой язык, его устройство
мне не постичь и с алкоголем:

здесь, знаю, тьмы сокрыты истин
и тайн, моё воображение
так будоражащих, что лист и
колонки строчек совершенных
пространным кажутся посланьем

для избранных и посвящённых,
источником сакральных знаний
о главном, неизбежном чём-то –
скрижаль неясных предсказаний,
записанных секретным кодом –
но я в значках перед глазами
не вижу смысла никакого;

и мало пользы от стараний,
тоски, раздумий и чинзано,
напрасно я сижу часами,
язык разгадывая странный –
бессмысленны мои занятия –
застряла в строчках – и ни с места,
а как хотела бы узнать я,
что означают эти тексты;
что мне творец хотел поведать,
их выводя изящно тушью –
он что-то знал про наши беды?
Он что-то знал про наши души?
И я, неделя за неделей,
всё возвращаюсь к книге этой –
но так и не достигла цели,
но так и не нашла ответа...

И ты такая же загадка

для глаз моих, ума и сердца –
ключ скрыт в астральных сферах серых
за тусклым пламенем заката –
но скептицизмом мозг иссушен,
и все попытки бесполезны
поверить логикой железной
метафизическую сущность;

не одолеть семи печатей,
не стоит даже и пытаться,
и знаний многие печали
порой страшнее пыток адских –
зачем мне знать, что происходит
с тобой в твоих краях далёких?
Куда сквозь тьму, туман и холод
летит твой лёгкий самолётик?
В детали лучше не вникать мне –
есть риск, что мир свернётся в узел,
и не останется ни камня
на камне от моих иллюзий;

от многих знаний мало толку,
от многих знаний прок какой мне?
Допью чинзано, том на полку
верну и буду спать спокойно...

Голубка

Ещё вчера день ясен был и тих –
Спускался вечер, ласковый и сонный –
Пространство водной глади осветив,
Вдали за горизонт сходило солнце;

Затерянная на семи ветрах,
Легко скользила в море каравелла –
И я, в попытке одолеть свой страх,
Прижав к груди платок из шёлка белый,
По палубе прошла по доскам мокрым
На нос – здесь вид был сказочно красив:
Смешались перламутр, кармин и синь
В лучах заката над зеркальным морем...

А нынче буря! Молнии и гром,
И парус на разрыв, темно и жутко –
Норд-ост бушует в море штормовом,
Швыряет каравеллу как скорлупку –
Я чувствую, что наш корабль погиб –
Он щепка против грозного бесчинства –
Взлетаем ввысь и падаем в пучину –
О Господи, спаси и помоги!..

Но всякие надежды безрассудны –
Я слышу стоны корпуса и мачт,
И в битве обессилевшее судно
Бросают волны вверх и вниз как мяч –
Снопом взлетают над бушпритом брызги,
Встаёт над бортом грозный фейерверк –
И в ужасе бегут из трюма крысы,
Из всех щелей по лестницам наверх –
Вся масса тварей серых толстобоких
Как шлейф из шёлка серого шуршит,
Спешит, к крысиному зывая богу,
И просит о спасении души –
Толпятся на корме, кидаясь в воду,
В безумии скрываются в волнах
И гибнут сами, и других уводят
В мир тишины, тьмы и покоя дна...

Беспомощны спасательные шлюпки –
Их волны бьют о корабельный борт –
Я выпускаю белую голубку
В последнюю минуту: Бог с тобой –
Лети, голубка! Ничего не бойся –
Меж туч найдётся где-нибудь просвет –
Лети на юг, где небо голубое –
Здесь, в этой буре, выжить шансов нет –
Над сине-золотыми островами

Лети, душа моя, на тёплый юг! –
И с этими последними словами
Голубку отпустила я мою –
Она взлетела над кипящим морем –
И тут девятый вал корабль накрыл –
И в яркой вспышке мглу пронзивших молний
На миг мелькнула белоснежность крыл...

Так бушевала буря двое суток,
Затем норд-ост сменился на зюйд-вест –
Уход циклона мир привёл в рассудок,
И снова чист над морем свод небес –
А там, на месте кораблекрушенья,
В спокойствии бескрайних светлых вод,
Ещё заметно лёгкое круженье,
И медленно несёт водоворот
Обломки мачт, куски каких-то досок,
Тряпье и мусор, клочья тонких штор,
Флажки, обшивки узкие полосы –
Всё то, что пережило этот шторм;

Плывёт напомниманьем о стихии
Намокший белый шёлковый платок,
Да из блокнота вырванный листок –
Но слов не разобрать – письмо? стихи ли?..

И хоть опасно было, да и глупо,
Но белизной слепя при свете дня,
Сюда вернулась белая голубка –
Ко мне назад –
Но не нашла меня...

Птичка

Есть у меня чудесная вещица,
Ей цену знаю верную одна я –
Изящная серебряная птица –
Старинная, к тому же, заводная;
Её я извлекаю из-за стёкол
Буфета – там в тиши она хранится,
И длинный медный ключ вставляю в цоколь –
И как живая вздрагивает птица,
Поёт и машет крылышками шустро,
Трясёт хвостом, пощёлкивает клювом –
Мы с ней в закатный час лиловый тусклый
Дуэтом петь и пить чинзано любим –

Она поёт, а я берусь за ноут,
И не пойму – от пенья, от чинзано?
Но лучше сочиняется намного,
Откуда-то стихи приходят сами;
Любимая из всех любимых музык –
Мелодия печали мучит душу –
Вполне возможно, в это время Муза
Ко мне приходит пение послушать;

Но вот вчера, едва пробило полночь,

Чинзано вышло всё, и я за виски
Пойти хотела, и теперь не помню,
Была пьяна я, или слишком близко
На столике стояла птичка к краю –
Я этот миг увижу, умирая –
Зачем я встала? Так уж было надо ль?
Но птичку я рукой смахнула на пол...

И всё. И всё!.. Певунья замолчала...
Все звуки мира тоже смолкли разом –
И только эхо музыкальной фразы
Ещё звучало, полное печали –
Я плакала; я не могла постичь, как
Всё это вышло. Что-то изменилось
Во мне и мире... Боже, сделай милость,
О сжался: пусть поёт как прежде птичка!
Но всё напрасно – ни единой ноты
Не спела мне разбившаяся птица,
И в тот момент во мне сломалось что-то,
И даже сердце перестало биться;

Казалось бы: какой пустяк – игрушка!
К тому ж, смотри: цела снаружи птичка –
Так и с людьми бывает: мир разрушен
Внутри, а с виду вроде всё отлично –
Да, слава Богу, был удар несильным –

Его ковра пушистость приглушила,
И хвост, и глазки из сапфиров синих –
На месте всё, а голоса лишилась...

И я ключом в утробе механизма
Как ни кручу – не хочет заводиться
Никак, подать хоть малый признак жизни –
И не поёт серебряная птица...

Бал

Я не пойму – пригрезилось? Приснилось?
Как вышло так, что в сказочном наряде
Из белой органзы, я очутилась
Среди гостей на бале-маскараде?
Оркестр играл Пьяццолу и Шопена,
Шумел народ нарядный и игривый,
А я весь вечер подпирала стену,
Держа в руке бокал с аперитивом;

Здесь не было Пьеро и Коломбины –
Костюмы были несколько иными –
Чертей, вампиров, зомби иже с ними,
А дамы – сплошь – кто ведьма, кто богиня;
Моя же маска из стекла и стали,
Похожая на шлем мотоциклиста,
Скрывала всё лицо, так что не стали
Мужчины подходить ко мне и близко...

Несли на серебре официанты
Бокалы с оранжадом и шампанским –
Веселье, блеск, и музыка, и танцы –
Фокстроты, вальсы, медленное танго;
Столы буфета привлекали взгляды

Роскошеством закусок и убранства,
Фонтанами из роз и шоколада,
Венчавшими собой столов пространства;
Ласкали глаз конструкции из фруктов,
Спускавшие банановые лапки
На нижний круг – к плодам заморским сладким
И гроздьям бузины манящей крупной;

Сверкал хрусталь в подвесках люстр стоцветных,
На окнах тут и там мерцали свечи –
А между тем, в саду лил дождик летний,
И ночь давно сменила душный вечер;
Мигала электрической гирляндой
Просторная открытая веранда –
Курили там, и дым марихуаны
Мешался с духом ночи и духами;
Народ топтался возле барной стойки,
Мелькали рюмки с водкой и текилой –
Ассортимент напитков был нехилый,
Но контингент собрался тоже стойкий;
Явился модный рэпер и ди-джеи,
Врубили рок и буги очень кстати –
Тут зал, конечно, весь пришёл в движенье,
Народ завёлся, все слились в экстазе...

Вдруг суматоха: просят дам разуться –

Какой-то принц нашел из шёлка туфлю –
Он прижимал её к груди в безумстве
И девушек рассаживал на стулья,
И каждой примерял, клянясь жениться
На потерявшей туфельку особе –
Сбежалось фей к нему не меньше сотни,
И все давай пихаться и браниться –

Он был богат как Крёз, но алкоголик,
Наглец и лжец, к тому ж ещё и бабник,
И врал безбожно, что святее Папы,
Добрее мамы, и не хам нисколько –
Но я-то вижу всех как на рентгене,
В одну секунду, как при вспышке света –
В классификации людей я гений,
Мне в этом смысле просто равных нету –
И я себе представила печально,
Как ночью стылой, ветреной и мерзкой,
Вот этот принц потрепанный нетрезвый
Является ко мне в опочивальню:
И я сняла с ноги изящно туфлю
И незаметно выбросила в урну,
И вышла босиком из зала в тусклый
Рассветный сумрак пасмурного утра...

Дождь перестал, трава почти просохла –

Дыша прохладой, я прошла по саду,
Смеясь как дура, трезвая, босая,
И было мне и хорошо, и плохо...
А за воротами асфальт дороги
В тумане таял – тихо, мрачно, жутко,
И лес кругом – но я прошла немного,
И тут меня подобрала маршрутка...

Сон

Во сне кошмар мне снился, будто я
От воспаленья крови умираю,
И закипает будто кровь моя,
Артерии свиваются в спирали,
И боль смертельная...
Вот так вампир,
Наверное, впиваясь в гладкость горла,
Наркотик впрыскивает в кровь, чтоб пить
Смесь из горячей крови с мандрагорой –
И начинается чёрт знает что,
Психоз, должно быть, пытка, и, конечно,
Ужасен так кипящий кровоток,
Что вдруг проснёшься в темени кромешной -

И я проснулась... В доме стыла ночь –
Я в свете лунном, призрачном и мутном,
Взглянула на часы – боль стихла, но
Ещё жила, мучительно и нудно;

В окно смотрела бледная луна,
Внизу светились тускло фонари, и
Была я в состоянье полусна,
В необъяснимой лёгкой эйфории;

Пылал укус на шее как ожог,
Кипенье в венах тихо угасало,
Прохладен был рубашки тонкий шёлк,
Часы дошли до двух без трёх и встали;

Я думала – так в чём же дела суть?
В чём сна столь необычного причина?
Мой грех отмолен, жизнью благочинной
Остался бы доволен Страшный суд –
Ни гороскопов нет, ни карт таро,
Забыто всё – и ревности уколы,
И как любовь болезненна порой,
Обманчива, слепа, и всё такое...
И вот удар внезапный – дежавю,
Какие-то знакомые симптомы –
Фантомной болью, видимо, живут
Воспоминанья, но о чём – не помню;

Не так давно болела я; болезнь
Была в душе и связана с любовью –
Но объяснять врачам мне было лень –
Пусть ищут объяснение любое;
Не зная, от чего меня лечить,
Из сострадания и чувства долга
Назначили гуманные врачи
Мне валерьянку с галоперидолом –

Как результат – забыт любовный пыл,
Не сохранилось в памяти лоскутной
И имени того, кто рядом был
И в кровь мою подмешивал цикуту;
Забыт и крах всего в конце концов,
Тоска, печаль и разочарованье –
Ручей солёный слёз моих иссох
От галоперидола с валерьяной;
Ожоги губ на шее как в бреду
Забылись, и кипенье крови в жилах -
И я с тех пор здоровье берегу,
И страшных снов таких не заслужила;

Понятно мне: любовь – сама наркотик,
И посильней порой, чем героин –
И вот живу я словно под наркозом,
Про подвиги забыв и героизм;
И ничего нельзя мне – ни мартини -
Мне противопоказан алкоголь -
Ни книг, ни песен, ни кинокартин, ни
Лирических стихов про грусть и боль –
Гуляю, сплю, хожу по магазинам,
Шкафы уже распухли от вещей –
И хорошо мне с этой амнезией,
И ничего не помню вообще:
Тому, кто хочет позабыть про числа

И дни недели, месяцы и год,
Советую я этим же лечиться,
Чтоб вообще не помнить ничего...

Так в чём причина тяжкого кошмара?
Потрогав шею там, где был укус,
Всё стало ясно: прилетал комарик –
Пил кровь мою – и улетел... Ну пусть –
Я не страшусь укусов комариных,
Пусть прилетает, это пустяки –
Пусть явятся хоть целой камарильей –
Я знала кровопийц и не таких!
Смешно мне после этого бояться
Летучих насекомых лютых, и
Не напрягает ряд ассоциаций:
Комар – вампир – и далее, к любви –
И я останусь жить, и сон глубок
И безмятежен будет, и случайно
Мне никогда не вспомнится любовь
И сон не потревожит мой ночами...

Ворона

'Leave no black plume as a token
of that lie thy soul hath spoken!'

The Raven
Edgar Allan Poe

Как-то в полночь, в час злосчастный – помню, ночь была
ненастной –

Я читала безучастно Фауста не без труда –
В дверь тихонько постучали: кто там? – Мне не отвечали –
Это дождик, не иначе, это капает вода,
Это ничего не значит, просто капает вода –
Дождь всего лишь, ерунда!

Я опять вернулась к Гёте, только слышу, будто кто-то
Ходит в поисках чего-то – дом тихонько обойдя,
Подошёл к окну фасада, смотрит молча из засады –
Кто там и чего им надо по ночам в чужих садах?
Кто мой топчет палисадник? Там же розы, резеда!
Нет, ну что за ерунда?!

Отчего я так волнуюсь? В страхе я в окно взглянула
И увидела луну я между туч и струй дождя:

Гнал по небу тучи ветер, за стеклом качались ветки –
И самой себе ответив: так бывает иногда,
Это клонит ветки ветер, так бывает иногда,
Я сказала: ерунда!

Просто ветер гонит тучи, но, пожалуй, будет лучше
Мне сейчас, на всякий случай, нервы слабые щадя,
Запереть окно покрепче – мне, наверно, станет легче,
Да ещё меня излечит рюмка водки как всегда –
Станет легче мне конечно, водкой я лечусь всегда –
Словом, страхи – ерунда!

Тут, смотрю – на подоконник, из ночи шагнув спокойно,
Чёрная вошла ворона, величава и горда –
Неожиданным сюрпризом – и, взлетев на телевизор,
Там уселась с мрачным видом, будто в дом пришла беда –
Не могла я не увидеть – это в дом пришла беда!
Странно как... Вот ерунда!

– Родом не из параллельных ты миров, о чудо в перьях?
И какие эмпиреи – место твоего гнезда?

Может, этот птичий профиль мне подбросил Мефисто-
фель?

Он в делах подобных профи – и с меня за это мзда?
Может быть, предгорья Брокен – место твоего гнезда?
...Мефистофель... Ерунда!

– Даже если ангел чёрный ты и водишь дружбу с чёртом,
Для меня ты гость почётный – объясни, что за нужда
Привела в мой дом печальный – верю я, что не случаен
Твой визит необычайный – кто ты, чёрная звезда?
Странно мне твоё молчанье – кто ты, чёрная звезда?
Приведенье? Ерунда...

– Да уж, ты немногословна, сон кошмарный птицелова,
Не сказала слова, словно речи – только суета –
Для чего ты прилетела – у тебя ко мне есть дело?
Ты иначе, безусловно, не явилась бы сюда –
Отвечай, мой гость бессонный, ты зачем пришла сюда?
Ведьма ты? Нет, ерунда!

– О моя ночная гостья, у меня есть ряд вопросов –
Например, хотя бы, просто: ты откуда и куда?
Поздней ночью беспросветной поболтать о том, об этом
С бесом здесь у нас в Заветах – не в Москве, не на прудах
Патриарших – а среди ветхих подмосковных старых дач –
Это вам не ерунда!

– Мне про воронов известно, что они приносят вести
Из-за далей, из-за весей, рек, морей, границ и гор –
Гость мой чёрно-серебристый, может что-то по-английски
Ты мне скажешь, типа Whisky, или, может, Nevermore?

Ведь тебе должно быть близко это слово – Nevermore?
Так скажи мне: Nevermore!

И ответила ворона голосом потусторонним,
С телевизора как с трона грозным взглядом снисходя –
Сквозь чуть слышный запах серный чёрный строгий фрак
концертный

В оперенье чёрно-сером мне привиделся тогда –
Мне она высокомерно так ответила тогда
На вопрос мой: Е-рун-да!

– Боже! Ты заговорила! Я уже решила было,
Что язык ты проглотила, слов твоих не стоит ждать –
Иль меня пугать не хочешь непогожей тёмной ночью –
И что мне твоих пророчеств не услышать никогда,
И что мудрости источник не откроешь никогда –
А она мне: Е-рун-да!

– Ерунда? Открой секрет мне – это имя или кредо?
Только ясно и конкретно – с головой я не в ладах,
Как понять тебя прикажешь? Это имя? Если даже
Псевдоним иль ник, неважно – отвечай мне: имя, да?
От беседы с припоздавшим гостем я не жду вреда!
А в ответ мне: Е-рун-да!

– Так, понятно, это имя – Ерунда! Ответь мне или

Объясни, о мрачный циник – вот, допустим, я тверда
В убежденьях – верю в Бога, в гуманизм, но однобоко,
Верю в здравый смысл немного – а в день Страшного Суда

В том Суде нескором строгом – что там будет в день Суда?
А ворона: Е-рун-да!

Я пришла в негодованье: разве повод я давала
Над моими же словами посмеяться без стыда?
На вопрос могла б нормально мне ответить, чёрный ангел,
Это экзистенциальный был вопрос, понятно, да?
Я узнать хотела тайну тайны Страшного Суда –
Разве это ерунда?

– Вот что, чёрное создание, дай ответ – я вся вниманье –
Что сидишь тут как немая – и спокойна как удав?

Ну-ка, в продолженье прений, вот вопрос, безмолвный ге-
ний,

Про талант и вдохновенье – это ловкость или дар?
Муза, лошадь, Гиппокрена – сказки? Ложь? Белиберда?
А она в ответ мне: Да!

– А любовь?? Огонь желаний? Говори, о гость незванный –
Это всё – фата-моргана? Миф, иллюзия, мечта?
Разгорается как пламя, небо высветив огнями,
Но в конце обманет, станет холодней, чем холод льда?

Это просто сон туманный, и в финале – холод льда?

А ворона: Да-да-да! –

И меня испепелила взглядом... – Что ж, ответь, Сивилла –

Смелость, правда, справедливость – все враньё и лабуда?

Не молчи, я жду ответа! Ну а жизнь? Скажи, что это?

Жизнь, короткая как лето – это тоже ерунда?

Всё, что было в жизни этой, всё, что будет – ерунда?

А ворона тихо: Да...

И внезапно кадр за кадром вижу страшный *Danse macabre*,

Отражённый многократно в стёклах окон и трюмо –

Понимаю: жизнь – минута, и ко мне однажды утром

Перламутровым и мутным постучится Волдеморт –

А ворона: Будь же мудрой, время – призрак, *Nevermore!*..

Карр! Каррамба! *Nevermore!* –

Электричество пропало! Лампа светит в полнакала –

Пляска скачет по бокалам, вазам, стёклам – чёрный
монстр

Тянет руки из провала – а ворона в свете алом

Машет крыльев опахалом и кричит мне: *Nevermore!*

И глаза как два опала: *Время! Время! Nevermore!*

Карр! *Remember! Nevermore!*..

В отражениях зеркальных танец бьётся инфернальный –
Я попала вглубь фрактала! Я плыву куда-то вдаль...
... А когда я через силу наконец глаза открыла,
Образ гостыи чернокрылой испарился без следа –
Это сном, конечно, было, он растаял без следа –
Сон всего лишь, ерунда!

Я, выходит, задремала, это я во сне видала,
Что ворона прилетала! – Но поймал мой взгляд тогда,
Вскользь упав на подоконник – посторонний незнакомый
Там предмет какой-то тёмный – как он мог попасть сюда?
Чёрное перо воронье там блестело как слюда...
Вот такая ерунда...

Птица

Там, где тайные духи дома сторожат,
где печальные лица скрывает хиджаб –
чёрный дым, тонкий шёлк, паранджа –
там, где в окнах темно, где дожди день и ночь,
там в горах обитает джабджаб;

это страшно – увидеть, как в небе, кружа,
проплывает огромная, как дирижабль,
чернокрылая птица джабджаб –
люди видят полёт и боятся её
как пожара и жала ножа;

и ужасная внешность мистических птиц
так пугает людей и сбивает с пути,
что не знаешь, куда же идти –
и бедняги идут в Катманду, Боготу,
в Гонолулу, Каир и Антиб.

Если ты этих птиц не встречал никогда,
не видал белых глаз оловянный миндаль
и полёты бог знает куда
над поверхностью вод, значит, ты ничего,
вообще ничего не видал.

Всех страшней эта чёрная птица джабджаб –
и владельцев шипов, чешуи или жабр,
и гигантских рептилий и жаб –
может, это гипноз белых глаз её, но
от неё не спастись, не сбежать;

пусть ответит мне грек или галл, или скиф:
в атмосфере такой беспросветной тоски,
что реально не видно ни зги –
ни своей же руки, ни огней никаких –
как, скажите на милость, не пить?

Как не плакать, когда дождь стучит за окном,
перевёрнута жизнь как кораблик вверх дном,
а тебе всё давно всё равно?
И когда теребят все подряд, у тебя
есть одно утешенье – вино;

пусть летит эта чёрная птица джабджаб
на Гоа и Ямайку, в Дубай и Пенджаб,
я ж для смелости и куража
буду пить божоле и рыдать, и жалеть,
что не в силах её удержать;

только те, кто хоть издали видел, как на

фоне полной луны пролетает она,
а вокруг тишина, тишина –
знают всё про астрал, про химеры и страх,
и ни смерть им, ни жизнь не страшна...

Медуза

Там, где мерцает лунная дорожка,
Где волны спят в покое ртутной дрожи,
Неясной тенью, свёрнутая в узел,
Качается бесплотная медуза –
Материя, энергия, вода –
Кто ты, моя бесцветная звезда –
Предвестница погодных катаклизмов?
И с чем сравнить тебя – с остатком льда,
Ожившим и оттаявшим? Куда
Плывёшь в потёмках тайной водной жизни?
Намокшая фата невесты беглой,
В ком сбившийся вуали тонкой клочок,
Обрывок кружев, выцветший и блеклый,
Нечаянно оборванный цветок
С придонной хищной плотоядной ветки,
В ночи безмолвно всплывший на поверхность –
Утопленницей в белом платье вздутом
В зелёной полумгле плывёт медуза...

В свечении луны неверном мутном
Ты мне напоминаешь почему-то
Любви давно забытой образ бледный,
Возникший и исчезнувший бесследно

В моём воспоминании минутном –
Она была, как ты, необъяснима,
Манила осязаемостью мнимой –
Любовь – мечта, утопия, химера –
Плод мук и грёз, виденье во плоти
Иллюзий и фантазий эфемерных –
Не встретить, не забыть и не убить...

О водный сон, беру тебя в ладонь
И чувствую и холод, и огонь
Субстанции безжизненной, медуза –
И ты ползёшь меж пальцев скользким грузом,
Прозрачной слизью, призрачным желе –
И падаешь, несчастья тяжелей,
На высушенный ветрами песок,
И таешь – и пятно воды у ног
Да рдеющий болезненный ожог –
Вот всё, о чём мне можно пожалеть...

И от любви с её объятьем клейким
Остались в сердце раны, шрамы, клейма –
Страшней твоих ожогов эти травмы –
Безжалостней, мучительнее жгла
Из горьких трав любовная отрава
Огнём и льдом, и липла как смола –
Но где ж она? Развеяна торнадо,

Растаяла, распалась на монады,
Как ты, моя плавучая монарда,
Сквозь пальцы утекла...

Черёмуха

Ты просишь, душа, тишины, передышки, покоя?
Ты просишь, душа: не спеши, подожди, отдышись
От бешеной гонки, от гона, огня и погони?
Вдохни этот воздух, он чист как стекло и душист,
В нём запах черёмух и солнечной майской погоды;

Всмотрись в это ясное светлое синее небо -
Безоблачный купол излечит тебя от тоски -
Ты видишь черёмухи ветки, покрытые снегом?
Ты видишь, как ветер метёт и метёт лепестки?
Уносит их вдаль, и печали уносятся следом,

И всё хорошо... Впереди начинается лето -
Ты видишь, душа, этот яркий пронзительный свет?
И зелени свежесть, и полдень искрящийся этот,
И белый крахмал распушённых черёмухи веток?
И только лишь счастья как не было здесь, так и нет...

Гостья

Средь ночи звук раздался незнакомый –
Стучится вроде кто-то в двери дома,
Меня пугая и лишая сна –
И я, ругаясь про себя безбожно,
Дверь отворяю в предрассветный дождик –
А там она –

Красавица, вся в чём-то белоснежном,
С улыбкой нерешительной и нежной,
Но недосуг мне в дом её пускать -
Здесь столько дел, к тому же, эту гостью
Развлечь беседой будет мне непросто –
Душа пуста...

Здесь просо от золы я отбираю
И тихо от работы умираю –
Рассыпана зола по кухне всей -
И пусть не виден в темени крошечной
Весь кавардак кругом, но мне, конечно,
Не до гостей...

Она в холодных струях на пороге
Стоит и ждёт, усталая с дороги,

И жалобно глядит в мои глаза -
Но всё напрасно – нет такого средства,
Чтоб разморозить лёд в остывшем сердце –
Что ей сказать?

И я сказала, закрывая двери:
"Ты глюк, и я давно в тебя не верю,
И говорить мне не о чем с тобой –
Уйди! Зачем мне головная боль?" –
Я догадалась – это, сто пудов,
Была любовь...

Беглец

Бедняга, неприкаянная жертва
хандры и абстинентного синдрома –
чужой, ничей, случайный, посторонний –
ты веришь, что сбежишь от скуки смертной,
и держишь круговую оборону;

везёт тебя экспресс к далёким тёплым
блаженным берегам – среди захолустий,
забытых богом мест безликих тусклых –
сухой колючий снег метёт по стёклам,
в душе твоей безрадостно и пусто;

беги, беглец! Ты сам себе в обузу –
под мерный стук колёс ты дремлешь мрачно,
а память всё жуёт событий жвачку
и нити бед, обид, побед пустячных
и страшных поражений вяжет в узел;

задумавшись, судьба фигурки движет
по шахматной доске злосчастной жизни,
не слыша вздохов тяжких, жалких жалоб –
куда ты держишь путь, зачем? – скажи мне –
нет места на земле, где кто-то ждал бы...

Но неискореним твой дух бродяжий,
разбойничий, мятежный, флибустьерский –
туда, где поезд режет даль пейзажа,
уходишь ты без слов, без взгляда даже
из снов, из головы моей, из сердца...

Бессонница

Бессонница... Бес сонный. Дни без солнца –
бесцветна темень дней декабрьских –
в них

метёт метель, и пасмурно, и дни –
просветы в тусклом сумраке бессонниц;

часы в стеклянной треснутой коробке
устали как и я –
замедлен ход

предновогодних бледных дней коротких,
заполненных бесцельной чепухой;

год на излёте – тянется декада
последняя – за ночью ночь, во мгле,
в безмолвии тоски и снегопада –
так шёлк шнурика скользит в тугой петле;

прошёл Никола Зимний. Обесточен
фонарь дневного света. Полумрак.
И клонит в сон, и не спастись никак
от чар безлунной и бессонной ночи –

но праздники уже не за горами,

и каждый день вчерашнего длинней
на птичий шаг –
и заживает рана,
и тает муки облачко над ней...

Питер

Нет, город насморка и бледных лиц,
нет, город на Неве туберкулёзный –
мне жутко в глубине дворов-колодцев
среди теней твоих самоубийц;
противореча логике любой,
твои мосты в ночи неодолимы,
ты весь в шипах, и мною нелюбимы
каналы с тёмной медленной водой –
их траурные ленты
уносят слепо щепки жизни в Лету,
минуя Летний сад
и лип столетних
безмолвные унылые скелеты...

Нет, город абберраций и химер,
трусоб беспомощных и судеб нищих,
где в каждом вздохе страх, тоска и смерть –
ты никогда мне больше не приснишься –
ни днём, ни ночью –
видеть не могу
ни в перспективе стылого проспекта
ночь, улицу, фонарь, аптеку,
ни пляски сквозняков на берегу,

ни перевернутого мироздания
упавших в воду арок вверх ногами,
свинцовых туч, плывущих подо мной –
нет, город, опрокинутый вверх дном –
здесь время перепутал старый Хронос –
в минорном шуме ветра похоронном
мне слышен бой часов и метроном –

тебя боюсь...

Меня пугает странно
завёрнутое лемнискойой время
и многомерность тусклого пространства,
разбитого в четвёртом измерении –
и встретишь невзначай осколков россыпь
то на Сенной, то где-нибудь на Росси..

Твоя метафизическая суть –
свечение во тьме огней болотных,
фальшив ты как несправедливый суд,
как роскошь декорации без плоти,
и пафос твой пустой – сплошная ложь –
с фанфарами, безжалостно и ловко,
ты заберёшь, отнимешь, украдёшь
всё до обмылка и куска верёвки;
живёт болото у тебя внутри,
и на крови ты весь, не только храм твой –

нет, город революций и интриг,
крестов, расстрельных списков и охраны,
предательств, безразличия и драм,
рассадник диких нравов коммуналок,
мужчин из стали и железных дам,
и глаз усталых,
и полотнищ алых...

Таким ты был всегда – твоих рабов
здесь за людей от веку не держали –
обрезков красной марли и гробов
фанерных вдоволь было у державы –
но ты прекраснейшим из городов
останешься навечно на скрижалях...

Мне черед полуночных дворцов
в мерцании луны твоей, признаться,
напоминает строй галлюцинаций,
процессию бесцветных мертвецов;
тяжёлые ряды твоих колонн
страшат меня символикой масонской,
их мрачный образ – повод для бессонниц,
таких же страшных, как и страшный сон,
который видят мраморные львы –
нет, город ужаса и наводнений,
ночей прозрачных, мглы и привидений –
уйди из головы!..

Аквариум

Я смотрю сквозь стекло, как резвятся весёлые гуппи в чистой водной среде и комфорте аквариума – жизнь прекрасна, когда ты как гуппи красивый и глупый – и понять, что в неволе живёшь, не хватает ума –

так и я. Так, возможно, и ты, мой случайный читатель – просто времени нет, чтоб в себе разобраться самом и признать наконец, что не понял про жизнь ни черта ты, и твой видимый мир ограничен аквариумом.

Я бы тоже хотела, быть может, прорваться наружу, закалённые стёкла однажды разбить, разломать, но боюсь – если вдруг мой аквариум будет разрушен, где найду я приют и прокорм без аквариума?

Где спасусь я от бурь вне пределов моей ойкумены? Там космический ветер и ужас, и холод, и тьма – это страшно представить, и я предпочту переменам безмятежный покой в сонном царстве аквариума;

мы с тобой уязвимы и тонки, читатель любезный, жизнь одна – и бесценна, и срок её варварски мал, и не хочется выпасть до времени в чёрную бездну

из тепла, красоты и блаженства аквариума;

грозный мир за стеклом всех в конечном итоге погубит – все участники в сборе, сценарий написан, и мне сделать выбор легко – я как милые глупые гуппи, остаюсь в безопасном уютном аквариуме.

Ты, конечно, герой, гуманист, и поэт, и учёный – или вор и убийца, насильник, алкаш, наркоман – в ваших играх кровавых безжалостных я ни при чём и равнодушен мой взгляд из-за стёкол аквариума –

здесь безмолвно колышутся ветви растений придонных, в этом ватном мирке жизнь беспечна, сытна и нема – и ни звука извне – ни проклятий, ни криков, ни стонов – только изредка кости хрустят жертв аквариума.

Кино

Чёрт знает как, зачем и почему –
возможно, спьяну, или может, сдуру,
уму непостижимо моему –
кто выбрал эту странную натуру,
чтоб здесь снимать какой-то кинофильм,
где слева дом и детская площадка,
а справа кладбище – дурацкий финт
безумной головы с сознанием шатким,
с воображеньем скудным и больным,
рождённым неизжитым трудным детством,
истрёпанными нервами, спиртным,
и никуда от этого не деться –
в итоге, жизнь и смерть переплелись
в картине в неделимое единство,
где падает, дрожа, последний лист
на скорбные ноябрьские седины,
где в лёд выросли окурки и шприцы,
где по углам чуть слышно воют бесы,
и неба низкого набрякший цинк
пугает беспросветностью депрессий,
а чуть правее вовсе тишина,
скелеты лип да памятников пятна
среди крестов глядят из мглы на нас –

короче, экспозиция понятна;

о чём кино? Конечно, о любви
как двигателе быстротечной жизни
(надёжный путь забрать мои рубли) –
о сумасшедшей страсти, близкой к шизе –
чтоб зрители подумали, что вот,
сейчас нам объяснят всё до основы,
раз сами мы не в силах ничего
понять, и повторяем снова, снова
ходы всё те же, что во все века
считались воплощением греха;

актёры испарились только что,
их ожидал на улице автобус:
уехал цирк, сгорело шапито –
махнули в ресторан, должно быть, чтобы
напиться поскорее и забыть
и этот двор, и детскую площадку,
кресты в оградках серо-голубых –
печальный финиш жизни беспощадной;
устало собирают реквизит
рабочие, а режиссёр со свитой
исчезли в арке, где всегда сквозит –
закончен день, пакуются софиты;
колючий цепкий ветер между тем

закручивает вихрем мёрзлый мусор,
под низкой аркой у облезлых стен
растут обледенелые турусы...

Войду под арку я и, как заведено,
меж мусорных преград шмыгну проворно:
важнейшим из искусств является кино,
а из профессий – дворник.

Картина

Есть у меня картина на стене
чудесного художника, грузина –
холст, масло, 100 на 70; на ней
стол, освещенный лампой керосинной,
духан тифлисский. Дворик. Лето. Ночь.
Хозяин с гостем заигрались в нарды –
хозяину сегодня бы не надо
играть садиться – лучше пить вино
да песни петь с заезжим господином –
пути Господни неисповедимы –
бедняга проигрался подчистую.
Его жена-красавица ошуюю
воздела руки к небу и кричит:
Аааа! – и падают проклятья
здесь, где не так давно звучали клятвы
любить, жалеть, прощать, что ни случись.

Жена уже сипит – как не сипеть,
когда проигран дом, велосипед,
корчма, и в довершение – она –
сама жена?

Несчастливая рвёт волосы и платье –
а что осталось? Рвать, метать и плакать,

и поминать и эту ночь, и бога,
и жизнь свою, и мужа дорогого;
а он сидит с закрытыми глазами,
и только ужас в согнутой фигуре:
как жить теперь? И вообще – смогу ли?
Нет, это пьяный сон от мукузани –
и я проснусь, и будет всё как было –
жена и дом, и шторы голубые...

В предчувствии грядущих перемен
всё замерло в проигранной корчме,
и всё в ночной тиши антропоморфно:
то камень на фасаде скорчит морду,
то ветки тень предъявит скорбный профиль,
то грустно подмигнёт фонарь напротив
ворот в передней части панорамы –
и жизнь абсурдней, чем театр абсурда –
к печальному концу подходит драма
крушенья судеб –
Фортуна повернула колесо –
и всё.

А что же победитель?
Везунчик спит – вы только поглядите!
И нервный тик дрожит в его усах –
он в стельку пьян...

Светлеют небеса...

Коробка

Как любит жизнь подбрасывать сюрпризы!
Вот и сегодня вдруг: смотрю – коробка
с огромным бантом в синие горохи,
и ленты по углам как биссектрисы –

что в ней? Под ярким блеском целлофана
мне дар какой-то грезится волшебный –
бесценный, но ненужный совершенно –
к примеру, ваза с нимфами и Фавном,
складной бумажный веер из Китая,
шкатулка с перламутром из Марокко,
индийская фигурка золотая –
из меди – в ней ни золота, ни прока –

мне, если честно, столько всякой дряни
подбрасывает Фатум непрерывно:
больных щенков бездомных, кошек драных –
нет, чтоб в придачу мяса или рыбы –
чем их кормить? Овёс-то нынче дорог!
Прислал бы, что ли, Вискас с Кити-Кетом
пакет – и шоколадные конфеты,
да плюс бутылок пять Asti Mondoro...

Нет, не дожидаться мне таких подарков!
Скорее он подсунет мне старушку
на переходе – этим трюком давним
коварный рок всю жизнь мою порушил:
куда мне ни идти – везде подставит –
ну ладно бы ещё, когда одна я –
а вдруг с женщиной? И старушек стая?
Вот и вожу их всех как заводная...

Раздумывая, что же там такое,
ножом взрезаю хрупкость упаковки,
гороховую ленту обрываю
и странную коробку открываю,
шуршу внутри бумагой папиросной,
вытаскиваю плоские полоски
прокладочного пластика тугого
и думаю – ну что же там такое?
Решительно, без лишних разговоров,
вытряхиваю стружек мягких ворох,
и вот в конце концов победа близко –
смотрю вовнутрь –
а там конверт простой: я
его хватаю, рву – а в нём записка
короткая –
два слова:
"Всё пустое" ...

Шартрез

Мной выдуманный путь завёл в тупик –
Пора вернуться к ларам и пенатам,
И пыль смести, и тихо сесть, и пить
Шартрез зелёный сладкий с горькой мятой:
Излечит мне шартрез хандру и боль,
Забуду я, что путь упёрся в стену –
В такие дни печали алкоголь
Меня приводит в чувство постепенно;
Ну а пока пусть будет так, как есть –
Мне нравится в компании с шартрезом
Смотреть в бездонный тёмный свод небес
Бесстрашным взглядом, ясным и нетрезвым,
Предчувствуя, что лучше сгоряча
Не рвать, не рушить, не ломать, не резать –
Пусть рухнет всё само – без палача,
Без бомб и ядов, и без нас с шартрезом –
И все мы будем счастливы кто с кем,
И жизнь пойдёт путём нам всем на радость –
Я долг последний отдаю тоске,
А завтра – всё, я выхожу из рабства...

Сгорело лето в собственной жаре,
Мелькнув хвостом среди кустов сирени,

Шартрез иссяк – что ж, буду в сентябре
Кампари ядовитый пить смиренно,
Чтоб незаметно пережить октябрь,
Когда уходит бог в свою машину –
Со мной друзья осенние, хотя б
Чинзано с Бродским или Оден с джином –
И в ноябре дожждаться одного
Из главных дней любви и брудершафтов:
Сезон начнётся Божоле Нуво –
И все проблемы сами разрешатся...

Драконы

Тюль вынесло наружу ветром резким –
я в панике вцепилась в занавеску –
смотрю, а там, в пространстве законном
летят драконы...

Они прекрасны! Вид упрямым и грозным,
раздуты ноздри, гривы как из бронзы –
украшены кружками-завитками,
глаза сверкают;

до наших скорбных дел им дела мало –
тела лоснятся розовой эмалью,
а когти на массивных хищных лапах
покрыты лаком;

их крылья из блестящего металла
острей кинжалов из дамасской стали,
а на хвостах красы необычайной
штамп «made in China»;

полёт над Самотёчной фееричен –
такая лёгкость, сила и величие –
и я кричу драконам по-китайски:

не улетайте!

И я кричу им: милые драконы!

Мне здесь от жизни толку никакого –
возьмите в синь полуденной свободы
меня с собою!

Но, видно, не слышали драконы,
а может быть, подумали: на кой нам?
И скрылась с глаз моих драконья стая,
а я осталась –

и только след – как шлейф из шёлка – долго
плыл, растворяясь в небе над Садовым,
в закат с июньским ветром улетая,
бледнел и таял...

Я думаю порой о тех драконах
и о судьбы неведомых законах,
о том, что в летнем небе никогда я...
Такое дао.

Карусель

В саду воскресном радость и веселье –
под ярким кругом крыши из нейлона
бегут олени, лани, кони, пони,
и музыка кружит над каруселью;

вокруг веранд кафе в тени деревьев
витают дух ванили, кофе, гриля,
на заднем плане пара мельниц древних
ворочает свои косые крылья,
а дальше лес истоптанный, в котором
и зелени-то мало чахлой жалкой –
там луна-парк кончается забором,
за ним укрылась мусорная свалка –

и там, наверно, лет через десяток –
коль доживу, то может быть, увижу –
среди куч песка, камней и дряни всякой
найдут приют обломки круглой крыши,
обрывки ткани в пёструю полосу,
фрагменты металлических конструкций,
заросшие побегами настурций,
и нижний круг из полусгнивших досок –
когда-то здесь лошадки нас катали

и музыка играла, и блестели
начищенные медные детали
живой ещё сегодня карусели...

Ну а пока она всю в движенье,
пока огни скользят по позолоте
украшивших карниз изображений
лукавых лис и ловких оцелотов,
принцесс кисейных, фокусников, эльфов –
пока ещё звучат канкан и буги –
давай с тобой на память щёлкнем селфи,
любовь моя, и выложим в фейсбуке:

когда всё кончится, и хлам ненужный
укроют мхи и заросли калужниц,
репейники и кустики бархоток –
останется от нас хотя бы фото...

Письмо

Пишу тебе письмо. С чего начать мне?
Начну с чего-нибудь. Январь. Нет сил.
Рождественскими тихими ночами
стеклянный глаз луны в окне висит.
Так. Далее. В углу мерцает ёлка.
Пора её отправить на чердак
решительно, иначе будет долго
стоять: порядок – не моя черта.
Добавлю о погоде пару строчек:
здесь всё бело, и ночь почти светла;
следит за мной глаз лунный ночь за ночью,
глядит из-за оконного стекла,
как я на сон грядущий пью таблетки,
а перед тем – глоток-другой вина,
чтоб меньше мучил свет белесый блеклый,
луна в окне, и снег, и тишина;

здесь, в наших снежных северных широтах,
семь месяцев в году царит хандра,
бег времени сбавляет обороты,
и сумерки с утра и до утра –
я потому-то и берусь за ноут
и написать хочу тебе письмо –

про то, что жизнь всё та ж, хоть год и новый,
потом про глаз в окне. Приветик. Чмок.
Легко и мило. И без обязательств.
Надеюсь, ты уловишь мой сигнал.
Но вот вопрос шекспировский: писать иль
не надо? Даже мысль саму изгнать?

О Господи, на что же мне решиться?
Да или нет? Нет-нет... Конечно да!
Мои сомненья белой ниткой шиты –
ты будешь рад письму. Ты долго ждал.
А собственно, что я сказать хотела?
Стираю строчку, думаю: о чёрт!
Луна в окне... Но не в луне же дело –
и вообще... Зачем писать?
О чём?..

Уроборос

Когда тебе уже за тридцать,
и ты – потомственный патриций,
и нет проблем, и нет вопросов,
и в жизни всё легко и просто –
пора, как все другие люди,
в себе с пристрастием порыться
и отрешиться от иллюзий,
что ты герой, поэт и рыцарь;

теперь ты, друг мой, взрослый мальчик –
довольно маяться мечтами –
мир был непознан и заманчив,
а стал понятен и читаем;
всё чётко, правильно, пристойно –
все переженятся в итоге –
и вот и ты, мой друг, пристроен
как пёсик при хозяйке строгой –
детишки, бабушки и няни,
и тяжкий труд, и хлеб насущный –
о жизнь, что делаешь ты с нами?
не жизнь, но ад какой-то сущий...

Где ты теперь, былой романтик,

сметённый залетевшим ветром?
А ты, подруга – где твой манкий
весёлый взгляд под чёлкой светлой?
И хоть и неисповедимы
пути Господни, преуспели
мы, без сомнений – победили
и обрели то, что хотели:
вот белый парус, вот лагуна,
вот даль туманная, вот крупно,
на ближнем плане, на латуни
воды – причал и мыс округлый,
цветы и пальмы, пляжи, яхта –
по яндекс-картам – это Ялта,
Майями, Хайфа или Яффа –
и меркнут сны в сравненьи с явью...

Все подвиги твои – на фото
в фейсбуке, инстаграме, блоге –
но грустно что-то отчего-то –
читаешь Белого и Блока,
а тут ещё с воображеньем
метаморфоза происходит –
победа мнится пораженьем,
и настроение плохое –
стакан мартини, шёпот бриза,
мерцанье звёзд во тьме небесной –

не бойся – это просто кризис,
у всех одна и та же песня –
да, это кризис межсезонья:
исхода нет и жизнь бесцельна –
верёвка, мыло, прах в вазоне –
и очевидно сходство в целом
с разбитым пушкинским корытом,
и марши звонкие умолкли...

А в чьём-нибудь шкафу закрытом
стоит скелет твой в туче моли
среди других скелетов белых,
подобно манекену в ГУМе –
а ты совсем не в курсе дела,
а ты об этом и не думал –
и лезут в голову химеры,
что там, где твой скелет припрятан,
ты мог быть счастлив. И приятно
мечтать и пить, играть на нервах,
ругать фортуна, плакать, строить
наполеоновские планы
войны, фанфар, захвата Трои –
внезапно это стало главным...

Представь на миг в пылу азарта,
что в том шкафу висят уныло

твои бриони и труссарди –
и ничего не изменилось –
и ты на фоне волн лазурных
вот в этих трениках и майке
пьёшь – может, из других мензурок –
не Orange Juice, а ром ямайский –
какая разница? Де факто
различий ноль. Но грустно как-то,
что так однообразны судьбы,
банальны так и так абсурдны;
хоть мы герои по сюжету,
но в том-то наш печальный фатум,
что мы по сути те же жертвы –
о жизнь – нет, ты не мастер фабул –

а сонный мрачный Уроборос
в неброских бронзовых узорах,
свернувшись в круг ли, в лемнискату,
мусолит хвост в лучах заката –
прикинулся невинным шлангом,
но хватка-то, однако – волчья;
ты, может, друг, и сам не ангел,
но этот – конченная сволочь...

Стекло

На горку въехав из провала,
я одолела перевал –
отсюда море открывалось,
над ним и в нём закат пылал;
внизу грузовичок устало
пересекал пологий склон,
а в кузове его плескалось
огнём оконное стекло –
и в этой плоскости зеркальной
горел оранжевый закат
и отражались птицы, пальмы,
столбы и небо в облаках;

на миг стеклянная поверхность
в себя вместила целый мир –
прибрежных гор зелёный веер,
закат над бухтой, лодки, пирс –
как будто некто опрокинул
в таинственную муть стекла
край неба, ряд застывших пиний
и моря огненную гладь;
казалось, нежная маджента
зари в полосках голубых

и шапки пальм – не отражение
в стекле, а плод его глубин:
огонь в воде и бег весёлый
волн в серебристых завитках –
мир видимый рождён из стёкол
и тьмы магических зеркал...

И я, с улыбкой королевы,
не тормозя кабриолет,
не целясь, выстрелила с левой
и выбросила пистолет –

взлетел, блестя стеклянной пылью,
зеркальный мир грузовичка
и превратился в хаос; взвыли
сирены, Вагнер зазвучал –
и, в довершение хит-парада,
под марш из "Гибели богов"
зажглись на небе сотни радуг,
сверкая выше облаков...

Ну вот и всё – конец виденьям,
конец иллюзиям моим,
нагроможденьям беспредельным
сирен, богов, закатов, нимф –
отныне буду без иллюзий

жить-не тужить и не грустить,
как все порядочные люди –
Эвтерпа добрая, прости...

Сосед

Соседский дед, профессор института
какого-то, остряк и весельчак,
зимой едва не помер от инсульта,
но выжил, слава Богу, и сейчас

молчит, навек лишившись дара речи,
сидит в коляске, лысиной трясёт,
натягивает шаль жены на плечи
да изредка вздыхает, вот и всё.

Неведомы для нас пути Господни,
а жизнь даётся только напрокат –
закончен срок аренды, и сегодня
он плачет, молча глядя на закат;

но всё могло бы быть гораздо хуже –
так пусть из-за забора он молчком
мне со своей веранды мучит душу,
блестя на солнце стёклами очков –

вот так и я, наверное, когда-то
состарюсь тоже, тронувшись умом,
и буду плакать, глядя на закаты

В МОЛЧАНИИ НЕМОМ...

Сирень

Невозможный сезон всевозможных надежд и утопий –
Это май, от сирени в саду голова набекрень –
Надо думать о многом, но мысли сбегают офтопик,
Ни прозрений, ни слов – и во всём виновата сирень;

И пускай я не верю в любовь и незыблемость истин,
И мой поиск, быть может, ничтожен, и путь бестолков –
Я в ладони беру белоснежные рыхлые кисти
И надеюсь найти в них цветки из пяти лепестков –

И мне кажется, нет ничего драматичней на свете,
Чем душистой сирени короткий беззвучный концерт,
Чем игра светотени на россыпях белых соцветий
И прощальный аккорд увяданья и смерти в конце...

Я давно принимаю удары судьбы со смиреньем –
Всё грустней на душе, всё длиннее мой список потерь –
Улетают мечты в небеса облаками сирени –
Не вернуть,
Не забыть,
Ничего не исправить теперь...

Путешествие 4

Неплохо бы сегодня было взять,
Да и уехать к чёрту на кулички,
Легко над трассой в воздухе скользя,
Мечтать, считать ворон меланхолично,

И завершить полуденный полёт
У белых клумб на набережной Арля,
Где я чужая, где никто не ждёт,
Где день затянут зыбкой знойной марлей;

Давно хотелось мне приехать в Арль
И поглазеть, и погулять вдоль Роны,
Увидеть римский цирк, собор, базар,
Латунность рощ оливковых зелёных –
Смотреть, вдыхать и пробовать Прованс,
Лиловый дым его полей лаванды,
Дурман его лавандовых пространств –
И пить бандоль на каменных верандах;

Attraction Арля – сумасшедший дом –
Последнее пристанище Ван Гога,
Классический пример – каким трудом
Оплачен дар, какой судьбой убогой –

Шизофренией, бедностью, нуждой,
Тоской, и мочкой уха, и абсентом –
Подозреваю, что никто другой
Не согласится на такую цену...

Весь монастырский сад пройду, затем
Отправлюсь дальше – на осмотр развалин
Амфитеатра и античных терм,
Вздыхнув о том, что мир непознаваем,
Но близок Рим – от римлян до меня
Каких-то пять десятков поколений –
Я им родня, расту на их корнях
Былинкой бледной, жалкой тенью тленной...

Потом в собор, где тихо и светло,
Торжественно, красиво и печально,
Где солнце сквозь витражное стекло
Бьёт сине-бело-красными лучами –
И на базар – там фрукты и цветы
Роскошные в количествах огромных,
Сыры и рыбы, груды дынь и тыкв,
И ранний виноград долины Роны;

Устав, зайду перекусить в кафе
На улочке кривой средневековой –
Хозяин – из породы де ла Фер –

Окутан тайной, мудростью, покоем –
Он что-то знает важное про жизнь,
Но я, возможно, тоже это знаю –
Что от себя, увы, не убежишь,
Что память тенью тянется за нами –

И в этот миг я вспомню о тебе –
Расстроюсь вдруг и попрошу открытку
И ручку, и замечу, что теперь
Мне от руки писать – сплошная пытка,
И что слова ползут наискосок,
А буквы – вкривь и вкось: я разучилась
Писать пером, не помню адресов,
Имён, фамилий, лиц, событий, чисел...

Конечно, проще скинуть смс,
Послать е-мейл, достать планшет из сумки –
Но нет – открытка из далёких мест –
Вот верный знак реального безумства –
Я напишу: любовь – тяжёлый груз –
Прости меня и помни Бога ради,
Ведь я – твоя единственная грусть,
А ты – моя единственная радость...

Путешествие 5

Плывёт по морю грозному Титаник –
не чувствуя грядущих испытаний,
в салоне-люкс вкушают господа
шарантских устриц в хрупких крошках льда,
пьют кто Моët Chandon, кто просто водку,
любуются, как солнце сходит в воду,
танцуют буги, вальс и ча-ча-ча,
не ведая, что именно сейчас
в незримой точке G их ждёт огромный
и страшный айсберг, весь в углах и кромках:
к утру Титаник въедет в айсберг белый,
разрежут льдины корпус корабельный
на части, на фрагменты, на куски –
ну а пока несут закуски и
есть в рюмках и бокалах алкоголь,
пьют за круиз, за женщин, за любовь
и за Титаник – новый и прекрасный
и самый безопасный в мире транспорт,
за нашего героя – капитана,
во тьме ночной ведущего Титаник –
как раз туда, где поджидает айсберг,
и ножницы уже готовит Айс...

Так громче, музыка! Оркестр, греми!
Всей мощью поднажми на до-ре-ми –
мы будем танцевать и веселиться,
пока в мерцанье лунном, рядом, близко,
не разглядим неясных очертаний
погибели – покажется Титаник
комариком в сравнении с Монбланом, –
ничтожной мухой на переднем плане
на тусклом фоне мрачного гиганта –

померкнет свет, умолкнут музыканты,
в ночной тиши раздастся адский скрежет –
углы и кромки льда металл разрежут –
часть палубы со стоном встанет дыбом,
наполнится пространство едким дымом,
беспомощный корабль замрёт, осев –
и в шлюпках места хватит не для всех;
но этот апокалипсис локальный,
когда огонь мелькает мотыльками,
потом ползёт, лавиной разгораясь:
«Ликуй! Отсюда два шага до рая!»,
а на плафоне «Exit» в дискотеке
во тьме мигает надпись «Mene Tekel» –
весь этот ужас, плач, взыванья к Богу,
звон стёкол, лязг и грохот – понемногу
сойдут на нет, утихнут наконец –

и только шарф из шёлка на корме
всё будет биться на тугом ветру...

Кто мог придумать этот жуткий трюк –
враги с Нибиру, Ротшильд, марсиане? –
чтоб в водах мирового океана
нашли друг друга айсберг и Титаник –
а капитан весь этот план фатальный,
не думая, исполнил как по нотам –
буквально всё, что оговорено там –
с неотвратимой силой урагана,
с упёртостью тщеславного болвана –
и в результате мы идём ко дну,
и без меня лучи зари плеснут
люминисцентным жёлтым на востоке –
и в утешенье мне осталась только
надежда – и не стоит слёзы лить:
спасёт Господь, коль люди не спасли,
и в райских куцах тоже солнце встанет,
и я забуду всё... А капитаном
пускай теперь займётся Страшный Суд,
и черти пусть навечно унесут
его туда, где разведён костёр
и ждёт сковорода или котёл;
но это будет позже – а пока
мы погибаем из-за дурака...

Урок музыки

Я не могу начать сначала,
мне о любви подумать жутко –
моя душа полна печали,
и мне сегодня не до шуток –
не хлопнет дверь, окно не скрипнет,

покой и тишь в пустой квартире,
я слышу дальний голос скрипки,
бесстрашный, как полёт валькирий –
плывут во мгле в слоях бесплотных
смычка мучительные трели,
и кажется, что сердце лопнет,
что смерть с косою стоит за дверью –
в пассажах жалобных сонаты
среди криков, клятв, упрёков, пауз
мне думать ни о чём не надо,
и в голове полнейший хаос,
и хочется нырнуть навеки
во тьму глухой и мрачной бездны –
и ветерок колышет ветки
внизу у сонного подъезда –

но глупо ныть и плакать поздно –

и тут как нож, на три-четыре –
аккорд финальный режет воздух,
итога жизнь как харакири...

Всё смолкло, стало слышно муху,
застрявшую в оконной раме,
зудящую в предсмертных муках
в староарбатской панораме –
и ничего мне не поделать
с её несчастной жизнью хлипкой –

то был обычный понедельник,
то был урок игры на скрипке.

Склянка

Ни о чём не грущу, ни о чём, ни о ком не жалею –
в тусклой склянке аптечной всё главное скрыто от глаз
и закупорено – только день ото дня тяжелее
и опасней округлый флакон из литого стекла;

я боюсь прикоснуться к тугой герметичности пробки,
я боюсь потревожить уснувший притихший вулкан,
замурованный в сумраке тесной стеклянной утробы –
лопнет тёмная склянка, фонтаном взлетят к облакам
пыль, огонь и осколки; под гром и сверкание молний
мир затянется пеплом, клубящимся дымом и тьмой,
свет померкнет в глазах...

Ну уж нет – в апокалипсис полный
я не верю – не может такое случиться со мной:
мглой стекла цвета крови драконовой мне обеспечен
безмятежный душевный покой до скончания дней –
хорошо, что всё главное спрятано в склянке аптечной,
хорошо, что грустить и жалеть больше не о чем мне...

Бусы

Когда мне плохо, дождик морозящий,
И душу мучит сизых туч свинец,
Беру из шкафа бархатный ларец –
Его я раньше доставала чаще –
И в нём, среди браслетов и колец,
Есть нитка бус затейливых блестящих;

Их подарил мне друг, они остались
С тех пор, когда я счастлива была,
И беззаботно жизнь моя текла
Под взглядом ясным цвета сизой стали –
И я люблю разглядывать детали
Бус из венецианского стекла...

Искрятся золотистые прожилки
Вокруг зелёно-палевых полос
И бело-алых и лиловых роз –
Выкладывал их мастер в массе жидкой
Текучей огнедышащей взброс –
Так сам Господь даёт нам счастье в жизни...

И вот в один из дней на той неделе
Мне ларчик мой попался на глаза –

Зачем, не знаю, может быть, надеясь
Какую-то минуту воссоздать
Счастливую, а может от безделья,
Мне бусы захотелось в руки взять –

Сверкнув округлых бусин ярким глянцем,
Скользнула между пальцев тяжесть бус
И выпал из руки бесценный груз
Моих волшебных бус венецианских,
Разбился об пол радужным фонтанцем –
Так радость разбивается о грусть...

Осталась нитка чёрная из шёлка,
Да маленький серебряный замок,
Да бусин разноцветные осколки,
Рассыпанные по полу у ног –
Так и любовь – на миг блеснула только,
И удержать её никто не смог...

Моменты осени

Ах осень, время умиранья
Природы, чувств, надежд, желаний,
Пора дождей, закатов ранних
И вечеров при свете лампы;
Пора простуд, разлук, прощаний,
Предчувствий, страхов и депрессий,
И меланхолии печальной,
Хандры, стихов и грустных песен;

Но что-то в этом межсезонье
Есть благотворное – как ласка
Пуховых кофт, мехов, атласа
И тёплых бот, блестящих лаком
В грязи осенней непролазной
Насквозь промокшего газона –

Увидишь как-то в час закатный
Меж сизых туч кармин и кадмий,
Затем в просветах серебристых
Свинец небесный растворится –
И странно сердце вдруг защемит
При виде этих превращений
От серой мути к голубому –

Гуманность и богам знакома,
И перед долгой зимней комой
Нас ждёт ещё последний бонус –

И явится наутро следом
В решётках вымокших террасных,
Сверкая медью, бабье лето –
Замри, мгновенье, ты прекрасно!.

Итальянская музыка

Блестел залив у ног могучих вязов,
Тонул закат в пучине белых линий –
Мы шли по саду под твои рассказы
О музыке Пуччини и Беллини,
Италии, бессмертии и смерти –
Я любовалась видом шапок крупных
Гортензий бледных, ну а ты о Верди
Мне говорил – луна прозрачным кругом
Плыла, была волшебна ночь... Красиво
Склонялись грозди призрачных соцветий
Старинных роз – а ты мне о Россини
Плёл вдохновенно, и о Доницетти –
Ты был в ударе: вспомнил Альбиниони
Adagio и что-то о Джадзотто –
Левкой пахли амброй и лимоном,
Акации дрожали позолотой...

Меж тем дошли мы до беседки старой –
Клематисы решётку овивали,
Пьянил их запах, жук жужжал устало –
Здесь речь зашла, конечно, о Вивальди –
Светились каллы, стыли хризантемы,
Фиалки в лунном свете тосковали –

Ты толковал мне о Леонкавалло
И напевал фрагменты из «Богемы» –

А я тебе сказала: вот что, моцарт,
Забудь на миг богему и паяцев –
Ты чувствуешь, как я, наплыв эмоций?
Давай же будем просто целоваться!..

C'est la vie

К несчастью, неопровержимый факт:
жизнь к тридцати уже не жизнь, а фарс –
ты понял всё, пролил немало слёз –
и жизнь не можешь принимать всерьёз;

всё, что ты знал, чему учился ты,
бледнеет перед блеском красоты
и шармом женских глазок, губ и ног –
они теперь важней стихов и нот,
музеев, книг, театров, галерей,
и ты бросаешь всё – скорей! Скорей!
Туда, где жизнь похожа на игру,
где путь твой как-то вдруг замкнулся в круг,
где крутится удачи колесо
и от любви к любви тебя несёт;
ты не заметил, как попался в плен
пушистой чёлки, родинки, колен –
от этих нимф, дриад, наяд, сирен
башку реально сносит набекрень...

Нет времени на Баха и Камю,
но есть на ресторанные меню,
на тайный мир приставок игровых

и на красавиц знойных роковых;
и ты, философ, интеллектуал,
в прелестную влюбился этуаль:
она смеётся, песенки поёт,
и из таких, как ты, верёвки вьёт,
прекрасно зная силу чар сама,
когда от ног её ты без ума;
а тут ещё помощник – алкоголь,
всё это называется любовь –
и ты сгораешь от такой любви...
Терпи теперь, что делать? Се ля ви!
И кружит эйфории круговерть,
мешая страсть, безумство, жизнь и смерть...

Либидо побеждает интеллект;
но через год ли, два ли, десять лет,
как будто рак вдруг свистнет на горе –
ты закричишь: "Карету мне, каре..!
Коня! Да что там конь – велосипед!" –
Прочь от фальшивых целей и побед –
туда, где тишина, к себе, назад,
где можно шкаф открыть и книгу взять,
туда, где жизнь понятна и проста,
где всё начнётся с чистого листа...

Чурбан

Его я обнаружила случайно:
я занималась в тот сезон ремонтом
на даче – шли дожди, и он безмолвным
ствола обрезком, грустным мокрым монстром,
лежал меж луж и мусора печально;

но отразилось солнце как-то в лужах
и цветом золотистым осветило
мой сад и тот чурбан среди опилок –
и тут меня как молнией пробило –
я осознала, что чурбан мне нужен...

Его кора, как крокодила кожа,
была темна, шершава и брутальна;
я взглядом оценила моментально
и мощь его, и силу, и надёжность,
и красоты его монументальность...

Я признаю вещей антропоморфность –
хоть, может быть, они не знают боли,
и пусть ни сердца нет у них, ни мозга,
я чувствую мистическое поле
и их энергетическую мощность;

вот, например, в зелёной узкой вазе
когда-то было тесно от пионов –
был друг со мной, счастливый и влюблённый,
но нет его – с тех пор в стекле зелёном
других букетов не было ни разу –

антропоморфна узкой вазы зелень –
я чувствую незримые флюиды
её любви, и горя, и обиды –
предмет духовен, этим он бесценен,
хоть для кого-то – просто ваза с виду...

Вот так же мой чурбан был полон жизни –
бывало, я рукой его поглажу,
и чувствую тепло его и тяжесть,
и думаю: возможно, это шиза,
но как мне одиноко и паршиво...

В простенке возле шёлковой портьеры
он был пристроен столиком диванным,
но даже в освещении торшера
не стал он украшением интерьера
и выглядел, признаться, очень странно –

красивый пень... Я словно впала в детство –

он не был для меня простой корягой,
и было мне тепло с корягой рядом,
и я, забыв про всё моё эстетство,
любила это грубое соседство;

он был так ясен, мил и незатейлив
в своей простой естественной природе –
среди современных мебельных изделий
казался иноземцем, чем-то вроде
омеги между русских знаков в сорде...

Мне было с ним уютно – я любила
поставить на него графин и рюмку
и, скинув опостылевшую юбку,
под тёплый плед в холодный вечер юркнуть
и вспоминать того, о ком забыла –

от нежности катились слёзы градом,
он отвечал мне удивлённым взглядом
зрачков на месте удалённых сучьев –
их было три, один другого лучше –
сочувствовала мне моя коряга...

Одно лишь было плохо: он царапал
паркета полированную гладкость
и рвал чулки, смолой, к тому же, капал

в пушистый шёлк ковра – и я ругалась
и не могла отчистить эту гадость...

Он рос в лесу далёком, за деревней,
глухой старообрядческой и древней,
он елью был тогда или сосною,
и там, в тиши, во мгле среди деревьев,
не ведал он, что встретится со мною...

Откуда было знать ему, бедняге,
про женщин, про манеры и галантность?
В иные помещённая пространства,
про ценность пола и свою нескладность
что понимать могла моя коряга?

И я, признав, что чистота дороже,
чем всякие дурацкие причуды,
решила, что лесное чудо-юдо –
чурбан, пусть и любимый и хороший –
пора бы, наконец, убрать отсюда...

И хоть мне расставаться было жалко
с любимым пнём моим, но всё же скоро
сдалась я, и отправила за город
его туда, где за глухим забором
расположилась мусорная свалка...

Дом опустел... Во всём царил порядок,
ковёр погибший выброшен в помойку,
и пол отмыт наёмной полемойкой,
натёрт до блеска, чисто и опрятно,
и не вернуть теперь чурбан обратно...

Мне было грустно в доме опустелом –
я думала – ужели в этом дело,
что мой чурбан мной выброшен и предан?
И пустота являлась мне ответом
в простенке между бра и шторой белой...

Дверь заперев, в печали и тоске я
пила вино как старый алкоголик
и думала – с ума схожу я, что ли?
И вот тогда я съездила в Икеа
и там себе купила новый столик...

Баобаб

Раз Бог послал мне семечко в конверте
из нежного зеленого листочка –
его мне принесло порывом ветра,
когда гроза была июньской ночью;
от влажного тепла сырой погоды
проклюнулся росток в тугой скорлупке,
таких семян не видела я сроду –
оранжевых, ребристых и округлых;
не зная, что с ним делать в тот момент, я –
из чистого, признаюсь, любопытства,
в порядке, так сказать, эксперимента –
воткнула на лужайке эту тыкву...

И хоть росло в условиях суровых
растение, но все ж к концу сезона
ствол красовался посреди газона
огромный, ровный, десятиметровый;
так простоял он зиму, а весной
опять пустился в рост как сумасшедший,
но прирастал уже и толщиной, и
активно обрастал зелёной шерстью...

Не знала я, фрукт это или овощ –

без ноута в неведение была бы
насчёт того, что чудо из чудовищ
моё есть разновидность баобаба –
«О ё-моё!» – сказала я с досадой –
«Мне только баобаба не хватало!
Вот блин! Ну ничего себе засада!
Как будто без него мне горя мало!»

Толпой ко мне повадились зеваки –
глазели, комментировали чудо,
и надо мной попутно издевались –
вели себя развязно и нечутко:
твердили, дескать, да, весьма красиво,
но ствол такой – объект для кривотолков,
фаллический, заметим прямо, символ –
короче, безобразие, и только...

Как вырос этот монстр, я проглядела,
когда же небо с солнцем скрылись в кроне,
я ужаснулась, и на той неделе
задумала спилить его под корень:
купив бензопилу, надев перчатки,
я приступила собственно к пиленью,
но дело шло ни валко и ни шатко –
то жарко, то дожди, то приступ лени –
так что пока я мало подпилила,

тем более, что твёрдый он как уголь,
и чувствую, мне не хватает силы,
вот и сижу, уставясь тихо в Google;
но по утрам бывает иногда я
пилю под настроенье понемногу,
кто первый рухнет здесь из нас, гадая –
так что процесс идёт, и слава Богу...

А девушкам я так скажу: подруги!
В своих садах экзотов не сажайте –
избавиться от них вам будет трудно –
и даже, где-то, может быть, и жалко...

Собака

Лохматый пёс, голодный и унылый,
Пристроился у нас при магазине –
По осени на даче дело было –
И так он перекантовался зиму,
Его мы, сердобольные, кормили;

Он делал вид, что он-де добрый малый,
Вертел хвостом, глазами грустно хлопал,
Но я в нём как-то сразу угадала
Зловредность – и характер мизантропа
Подозревала с самого начала;

Но всё равно, я для него колбаски,
То что-нибудь ещё куплю бывало,
Но подходила всё ж к нему с опаской,
И не жалела добрых слов и ласки,
Когда паёк свой скромный отдавала...

Вот и вчера взяла ему сосиски,
Такие, что их люди есть не будут,
Из тех, что с мясом не лежали близко,
Совсем не человеческое блюдо,
Сырьем для них служил, должно быть, Вискас –

Так вот, купила эту мешанину
И на ступеньках всю ему скормила –
Он даже не поморщился, скотина,
А я ему ещё сказала: «Милый,
Мне жаль тебя!» и потрепала спину –

И тут меня как цапнет он за руку!
Свой нрав продемонстрировав мне скверный –
Перчатка на руке из кожи грубой
Спасла меня, иначе было б круто –
Осталась бы без пальцев я наверно...

Голодный пёс – он зверь, конечно, лютый,
Но здесь собака злая – фиг бы с нею –
Метафора, а ужас в том, что люди,
Которых мы лелеем, холим, любим,
Кусаются порой куда больше...

Иллюзион

Прощай, любовь... Ты так была красива,
тонка, нежна – сводила ты меня
с ума, кружила, вихрем уносила
из сумерек к мерцающим огням –

но разглядела всё же я в итоге:
огни твои – оптический обман,
свеченье на болоте. Как и многим,
иллюзион ты показала нам...

В нём всё намного ярче чем в реале –
эмоции, и страсти, и т.д. –
и сам объект – но захочу едва ли
носить всегда твои очки 3D –

и я очки сняла... Сама не рада
тому, что вижу. Весь эффект исчез
твой стереоскопический, и без
него все серо, тускло. В этом – правда...

Ты овладела множеством приёмов
воздействия – гипноз и НЛП,
и двадцать пятый кадр – но пусть объёмен

твой арсенал – не верю я тебе –

не надо сказок – яркая облатка
из лжи, фантазий, снов и миражей
не вызывает отклика в душе –
всё фальшь одна; и запах розы сладкий

мне не дурманит голову ничуть
и не рождает ни надежд, ни чувств –
мне всё равно. Усилия твои
не могут больше мне внушить любви...

Сентябрьская мелодия

Была суббота третье сентября:
погода – сами знаете, какая –
по выходным всегда погода дрянь –
то снег, то грязь, то небо протекает –
и тут ко мне являются с утра
любимый мой – и друг его, китаец;

а мой любимый – интеллектуал,
поэт, китаевед, конфуцианец,
читал Ши-цзин, цигун практиковал,
и вообще с большим потенциалом;
китаец же – наш местный этуаль –
буддист, при этом пьяница из пьяниц;

у них была бутылка божоле,
но выпита почти наполовину –
я деньги поискала в кошеле,
в пальто, в столе – сей поиск журавлиный
довел меня до кошечки из глины –
не стану же копилку я жалеть,
тем более, что рядом с домом винный;

забрав, что есть, себе на опохмел,

они ушли, оставив мне собаку –
испанскую, породы спаниель –
я псу скормила булочку «5 злаков» –
он ел как будто десять дней не ел,
потом уснул, прослушав фугу Баха;

а я салатик сделала из слив
и свёклы с сельдереем для фигуры,
ни масла не подлив, не посолив –
и, вымыв шею и зажарив куру,
уселась ждать, но гости не пришли,
а я их всё ждала ждала как дура...

Октябрьская мелодия

Октябрь был тёплым астры даже
ещё цвели и бересклет
краснел в саду
а мой любимый
купил с полочки мне букет

нет он купил себе бутылку
причём конечно не одну
ну а цветы нарвал на клумбе
разбитой в сквере возле клуба
бомбёжкой видимо в войну
он каждый день там ходит мимо

в моём окне луна грустила
горели свечи пахло мятой
звучало тихое адажио

и только я свечу задула
как тут с букетом лебеды
с бутылкой красного в руке
с печальным псом на поводке
с лохматым другом на бровях
и с томиком стихов ли бо

любимый мой в пальто помятом
ко мне явился пьяный в дым
из двухнедельного загула
я только выдохнула ах

но значит чувство не остыло
и это всё-таки любовь
и я за всё его простила...

Oh It's a Lovely Day

Давай откроем окно веранды
какая прелесть
весна явилась к нам утром ранним
в конце апреля

сад оживает от зимней спячки
набухли почки
ртуть капель круглых и луж блестящих
дрожит на почве

смотри на чудо преображенья
зимы угрюмой
в сезон блаженный весны броженья
цветущей юной

денёк сегодня великолепный
и воздух вешний
нам дарит радость погоды летней
надежд воскресших

обрывки облачка ветер вольный
в реке полощет
бежит за речку колышет волны

лиловой роши

а за полями и лесом мшистым
огромный сонный
закрыв полнеба гриб распушился
на месте солнца.

Октябрь

Октябрь золотистый украсил собою окно,
слетают с мониста монетки одна за одной,
луч солнца нанизан на ветку и капля дрожит,
и я с оптимизмом смотрю на дальнейшую жизнь –

и радостно думать, что лучшее всё впереди,
не слушать ведуний слепых, сумасшедших, седых,
пророков и пифий, несущих заведомый бред,
в предчувствии тихих и ласковых дней в октябре –

всё будет прекрасно – в четверг, через час, через миг,
оранжевой краской раскрашен приветливый мир,
а в небе безбрежном плывёт и блестит перламутр,
и живы надежды, и Бог милосерден и мудр;

и глупо не верить, что можно вернуться назад,
туда, где мой велик, сирень, и скамейка, и сад,
где дни голубые и неба июньского шёлк,
где будет, как и было, и будут все те, кто ушёл...

Как весело видеть каскады летящей листвы
и хочется выйти в осеннюю слякоть и выть,
и плакать навзрыд, и смеяться, и снова рыдать –

калитку закрыть и уйти неизвестно куда...

Путешествие 6

О как приятен ветер дальних странствий,
свобода, ощущение полёта,
когда летишь куда-нибудь Эйр-Франсом,
а не скучным родным Аэрофлотом –
Аэрофлот, конечно – чистый саспенс,
с ним можно прямо в рай влететь со свистом,
а мне важны комфорт и безопасность
Люфтганзы, Бритиш Эйрвэйз или Свисса;

вот я на днях летела в самолёте –
ну, бизнес класс, то-сё, летим; а рядом
сидит британец с томиком Делёза –
цилиндр, сигара, смокинг – всё как надо;
а я люблю читать чужие книги –
и в этот раз – склонилась и читаю
Делёза – а соседа как магнитом
притягивает чёлка золотая
моя и разлетевшиеся прядки
волос душистых, длинных и блестящих –
ну, думаю, нормально, всё в порядке,
попал британец на своё несчастье...

Я брюки не ношу принципиально,

а только мини, легинсы и шорты;
была я в узком платье от Cavalli
небесной красоты, не из дешёвых;
короче, едем. Подданный британский
сидит и не желает отстраниться;
я ж о ростках, ризомах, декадансе
читаю текст, страницу за страницей;

устав, слегка переменяла позу
и вытянула ноги в сандалетах
от Prada, с педикюром синей бронзы –
сосед лишился чувств и с кресла съехал –
тут прибежал стюард и стюардессы,
давай его откачивать, беднягу,
а меж собой шептались – слишком, дескать,
народ стал впечатлителен и мягок –

ну я на них прицыкнула конечно,
хотела наорать, но воздержалась –
мол, эти ваши шутки – просто нечто,
и что соседа мне безумно жалко,
и что сама я в состоянье стресса,
и надо мне немедля что-то выпить,
подайте-ка мне, силь-ву-пле, шартреза,
чтоб стресс мой снять и из себя не выйти....

Британца между делом откачали
и даже где-то сзади уложили.
Летим. Тут я увидела случайно –
как в цирке – трюк, несовместимый с жизнью:
под потолком ко мне, как – непонятно,
летел британец, распластавши руки,
глядел по сторонам, и взгляд поймав мой,
со мною рядом в кресло грузно рухнул
и на меня уставился в молчанье,
разинув рот и выронив сигару –
хоть и болтлива я необычайно,
но тут сама лишилась речи дара;

уже потом, на правильном английском,
как нас в Москве учили в универе,
сказала, что ему бы надо виски –
ну то есть скотч – сейчас махнуть наверно;
опять к нему сбежались стюардессы –
кто скотч несёт со льдом, кто мне джин-тоник,
подушки, пледы, и еду, и прессу –
а он с меня всё глаз не сводит томных,
и диалог у нас какой-то нервный,
и тема для бесед нашлась одна лишь –
про время и пространство в постмодерне,
всеядность тела и шизоанализ;

нам стюардессы щедро наливали,
мы выкурили с ним его сигару,
болтали, флиртовали, трали-вали,
и прилетели в Шарль-де-Голль в угаре:
ни паспортный контроль и ни багаж я
не помню – что, когда и как – неважно,
но вроде нёс меня он где-то даже,
и был любезным, сильным и отважным;

довёз потом до Ритца на роллс-ройсе
и подарил Делёза на прощанье,
а в номер мне прислал лиловых роз и
записочку вложил I love u honey
Pls call me Sun. – и телефонный номер
на карточке, фамилия и имя –
и оказалось – имя было Norman,
а я его звала, конечно, William...

Ну а Делёз, к несчастью, плохо кончил –
болел бедняга именно тем самым,
и раз перешагнул через балкончик,
не выдержав страданий непрерывных –
судьба, увы, типичная: не стало
философа, марксиста, гегельянца
и гения, и интеллектуала –
бессмертно горе от ума и пьянства;

и вот сегодня я его читаю,
смотрю печально на Париж осенний,
пою себе под нос Felicita и
жду с нетерпением завтра – воскресенья...

А девушкам скажу я: бизнес-классом
летать вам нужно, чтобы выйти замуж,
и в Ритце только жить всегда, и в Плазе –
отелях легендарных, лучших самых –
здесь самые шикарные мужчины
и бары, интерьеры и бассейны –
в роскошной атмосфере благочинной
безмерны ваши шансы и бесценны;
и отпуск проводите только в Ницце,
Монако с Биаррицем – смех сквозь слёзы,
а чтобы в Ницце вам не осрамиться,
читайте обязательно Делёза...

Про женихов

Как-то раз дракон зелёный
Пролетал над нашей крышей
И меня внизу увидел
В суете обычных дел
Оглянулся изумлённо
Подлетел ко мне поближе,
И концерт неожиданный выдал –
Сел на ветку и запел

Пел он арии из опер
На губной играл гармошке
Шостаковича и Шнитке
Строил глазки из дали
Весь использовал свой опыт
Обольщенья и немножко
Алкогольные напитки
Тоже делу помогли

Ах какой же я несчастный
Ах какой я одинокий
Ах никто меня не любит
Негде голову склонить
Хоть бы минимум участия

От красоты синеокой
Только нас боятся люди
Хоть добры мы и скромны

Я к примеру очень добрый
Очень тихий и надёжный
Я нормальный скромный парень
Не какой-нибудь пижон
Я прекрасный бесподобный
Лучший из всех возможных
Я живу себе не парюсь
И не лезу на рожон

Я конечно возмутилась
Ты больной на весь свой череп
Ничего ты не умеешь
И не знаешь ничего
Рептилоидный мудила
С философией пещерной
Зря ты глупости тут мелешь
Возле дома моего

Да кому ты нужен чудо
С мировиденьем негодным
Мой возлюбленный придет
Да на белом на коне

Разгорятся в сердце чувства
Будет всё, как мне угодно –
И любовью вспыхнут эти
Чувства у него ко мне

Разве ты любить умеешь
Чтоб весь мир к ногам любимой
Чтоб быть добрым нежным верным
Чтоб желанья исполнять
Я ж в сто раз тебя умнее
Так что ты летел бы мимо
Ты баклан обыкновенный
Ты совсем не для меня

Тут приехал мой красавец
Весь в губной помаде, пьяный
Пахнет женскими духами
И давай тащить в постель:
«Я жених иным на зависть!»
Тянет лапы – только я не
Выношу трамвайных хамов
И нахалов всех мастей –

«Уходи!» – Он обернулся
Спел фальшиво Варшавянку
Опершись о подоконник

Плюнул смачно «ё-моё!»
Спотыкнулся покачнулся
И ушёл, не дав мне вякнуть –
Выйду замуж за дракона
Он хоть правильно поёт.

Башня

Упала в Вавилоне телебашня –
и мы остались у пустых экранов;
кто виноват? Лидийцы? Барабашки?
Безумец? Враг коварный иностранный?
Пустили слух, что вся беда – в смешенье
ста языков строителей объекта,
в «твоя моя не понимай» – и это
и стало, мол, причиной обрушенья –

но проще оказалось всё в реале:
подрядчик главный, жулик и мошенник,
на гнев богов забивший совершенно,
тайком распродал материалы,
закупленные городом по смете,
и профит в результате снял несметный –
возил он караванами по свету
кирпич и лес, лом бронзовый и медный,
ворованное золото и смальту,
и серебро, рубины и сапфиры,
цветные драгоценные эмали,
мозаичную плитку и папирус –
короче, продал всё, что мог, налево –
туда, где жизнь ключом, где много строят –

на Кипр и Родос, и в пески Халеба,
в Микены, Фивы, Спарту, в Тир и Трою –
а башню строил из г*вна и палок –
поэтому-то башня и упала –
и видно, с кем-то там не поделился –
и вот спалился...

Наш царь – он круче всех и прозорливей,
потомок высших сущностей, не меньше:
глаза из льда, а в пальцах ветвь оливы,
как глянет строго – сразу каменеешь –
так вот, наш царь, разгневанный изрядно,
успел схватить за шкурку прохиндея
и посадить, пока не сбёг, в тюрьгу
на десять лет без скидок и без денег –
пускай поразмышляет на досуге,
какая он на самом деле сука...

А мы, несчастные вавилоняне,
остались, выражаясь грубо, с носом –
отрешены от актуальных знаний –
как там наш царь, наш Навуходоносор?
В столице он, а может быть, уехал
на новую войну, возможно, с Римом –
питаемся мы слухами, и эхо
молву несёт по вавилонским рынкам –

к примеру, что по просьбам населения,
чуть севернее, чем ворота Иштар,
согласно государеву велению
в ударном темпе строят телевышку –
чтоб мы могли следить как под гипнозом
за этими прозрачными глазами
и знать, чем наше всё сегодня занят –
любимый царь наш Навуходоносор:
что он вкушал на золоте тарелок,
как плавал утром в мраморном бассейне,
как он идёт – красивый, загорелый –
среди нас – и возвышается над всеми...

Про льва

Я глупый заяц, белый и пушистый,
ты – кровожадный лев зеленоглазый,
я прячусь от тебя в благообразье
моей притихшей поэтической шизы;

я от тебя бегу на мягких лапках –
ты, будто ничего не происходит,
мурлычешь, смотришь вбок, зеваешь сладко,
примериваясь, как бы разом, сходу,
прыжка в четыре, слёту, прямо в горло
вцепиться, в мягкий пух моей гортани –
а я же, независимо и гордо,
держусь на безопасном расстоянии...

Вот так трусцой бежим мы друг за другом
уныло, вяло, долго, безнадежно –
я убегаю от тебя по кругу,
а ты как тень моя за мной крадёшься,
и не пойму, а что это со мною?
Зачем я здесь со львом кружусь синхронно?
С ума сошла? Бред пьяный? Паранойя?
Одна из форм стокгольмского синдрома?
Игра меж злым охотником и жертвой

велась всегда, везде и постоянно;
что в зайце льву? За противостояние
твой бонус будет только мясо с шерстью...

Огнём горит азарт в глазищах хищных
и будущее призрачно и шатко:
не то, о лев, твоей я стану пищей,
не то ты будешь приносить мне тапки...

Про бегемота

Боюсь ужасно бегемотов!
И мысль одна: не амкнул лишь бы –
но я крадусь к нему поближе,
чтоб с бегемотом сделать фото;

вон он лежит в воде и жвачку
жуёт, и дремлет – мне умильно,
что грустный он такой и мрачный,
большой, задумчивый и сильный –
и хочется его погладить,
легонько чмокнуть в мокрый лобик...
Не будь наивной, бога ради –
момент – и он тебя угробит!

Про риск-то я сообразила,
увидев эти габариты –
прибегну к тактике гибридной:
воображу себя Годзиллой –
пускай попробует скотина
наехать на самую Годзиллу!
Так что давай, молчи там в тине,
пока тебя не погасили...

Но эта ржавая цистерна,
притихшая в тепле болота,
живого буйвола заглотит,
и это не для слабонервных —
и весит этот чёрт три тонны —
когда бежит — земля трясётся,
и всё вокруг ревёт и стонет,
и пыль полдня не рассосётся —

однако ж, глуп: у этой туши
в башке нет мыслей кроме секса,
и вид обманчив добродушный —
души в ней нет, одни рефлексы;
ему и море по колено,
и равнодушьем нет предела —
ни до чего ему нет дела —
ни до меня, ни до вселенной...

... Тут он очнулся от дремоты —
и я, схватив мои манатки,
бегом бегу от гибимота
так, что сверкают только пятки —
пока совсем он не проснулся
и не открыл ни глаз, ни пасти,
огромной розовой зубастой,
и ею мне не улыбнулся —

от страха мозг впадает в ступор
и ноги удирают сами –
нет, бегемоты – это супер,
когда сидят в своей саванне –

а я же, лёжа на диване,
в Москве, не где-нибудь в Ботсване,
гляжу на фото бегемота,
и грустно что-то отчего-то...

Про любовь

Возможно, по делу – и даже наверно –
я вышла из дома не помню зачем;
смотрю – на ступеньке у лифта, на верхней –
котёнок сидит абсолютно ничей;

ну что мне до всяких несчастных котёнков?
Их сколько угодно сидит по углам
в подъездах холодных в пыли и потёмках,
где пахнет бомжами, где мусор и хлам –

котёнок бездомный, глаза голубые:
Ты кто? – я спросила, к нему наклоняясь –
в ответ он печально взглянул на меня,
и в тот же момент я его полюбила –

простой, серо-белый, к тому же, в полоску –
совсем как моя полосатая жизнь –
размером с ладонь, и как листик дрожит
всем тельцем тщедушным коротковолосым –

туда не пошла я, куда собиралась,
а тельце глазастое сжала в руках,
вернулась домой, налила молока,

а после шампунем его постирала –

с тех пор мне везёт. А покой обрётённый,
удачу и новое счастье моё
теперь сторожит полосатый котёнок,
смешит и жалеет, и песни поёт –

но всё быть могло бы совсем по-другому,
сценарий в тот день был возможен любой –
ему повезло, что я вышла из дома,
а мне повезло, потому что любовь...

И ты, друг, едва ли забудешь о том, как
ты сдался и сдулся, и крылья сложил –
но как-то нашёл в подворотне котёнка
и в дом свой принёс – и наладилась жизнь!

Melbourne

Поцелована богами
с сумкой полной ассигнаций
убываю по английски
из деревни под москвой
я танцую вверх ногами
мне сегодня восемнадцать
можно пить коньяк и виски
и скакать вниз головой

сто очков вперед любому
даст мой друг в потёртой замше
он красив как мастроянни
он крутой как илон маск
это мой герой-любовник
редкий бабник и обманщик
и хоть каждый день он пьяный
от него все без ума

этот мой герой-любовник
весь в цветных татуировках
золотая цепь на шее
и браслет из серебра
он эстет фанат футбольный

бизнесмен инвестор ловкий
он гоняет на порше и
значит вовсе не дурак

рядом с ним его подруга
смотрит на него с восторгом
обнимает и целует
и весёлые они
расцепить не могут руки
пьют мускат и кофе с тортом
хохоча напропалую
будто здесь они одни

диспозиция такая
я скрываюсь за газетой
в ней проделав дырку вилкой
всё мне видно от и до
третий мой бокал токая
ресторанчик белый этот
в вазе ветки бугенвиллий
от мадженты до бордо

не хочу ругаться с ними
я по страшному ругаюсь
но молчу хоть праздник скомкан
но однажды выйдет срок

всё изменится а ныне
рядом с ним сидит другая
потому что не знакомы
мы с героем этих строк

пусть он врёт как сивый мерин
бедной девушке с рогами
милой глупой простофиле
этот парень деловой
а вокруг мелькает мельбурн
где танцуют вверх ногами
среди цветущих бугенвиллий
скачут все вниз головой!

Про бумажный самолётик

Чем дольше живу, тем печальнее явь –
так лес в глубине всё темней и мрачнее,
и жизнь мою травит познания яд –
я медленно гасну, попутно умнея;

как многие знания множат печали,
так в сердце со временем копится скорбь,
на лбу оставляя печали печати,
а радости миг мимолётен и скор,

а радости миг – самолётик бумажный,
в полёте бесстрашный и ловкий на вид,
но хрупок и слаб он, и в воздухе влажном
погибнет – от этого сердце болит;

так было, так есть, так и будет всегда:
любовь и надежды, утраты, находки,
за счастьем несчастье, за горем беда,
но даже и в радости боль не проходит –

и всё же на жизнь я смотрю, улыбаясь,
глазастой вселенской тоске вопреки,
случайной слезы не стерев со щеки –

и светит с небес мне звезда голубая...

Дзен

С.Н.

Кончился день. Солнце скрылось за соснами.

Ожили тени вечерние сонные.

Тихо. Ни звука, ни слова, ни музыки.

Пахнет дождём и шиповником мускусным.

Сядь в это кресло, в шезлонг, на скамеечку –

лапочка, мальчик мой, милая деточка,

глазки закрой, постарайся расслабиться,

думай о радостном.

Пусть ты устал и душа твоя выжжена –

думай о радостном, добром, возвышенном –

день отшумел, и в ночном благолепии

запахи летние.

Мир опустел, и из памяти вытеснен

путь твой извилистый в поисках истины –

есть только ты, лунных флоксов мерцание

и созерцание.

Всё остальное теперь несущественно,

раз не случилось, что было обещано
в снах и мечтах, и в твоих ожиданиях,
в книжных гаданиях;

планы и замыслы кажутся мелкими
в свете задумчивых астр карамелевых,
есть только ты, тишина, просветление –
прочее – тленное;

прочее – тленное, ненастоящее,
есть лишь цветы, в полумраке блестящие
льдом целлофановым, синие сумерки.
В общем, все умерли.

Колыбельная

Кушай, милый, не брыкайся, слушай маму –
мама знает всё про всё и даже больше,
мама мальчика не кормит кашей манной
или сладкой детской смесью не дай боже –

мама знает, что полезно и что плохо,
как растить дитя счастливым и успешным,
победителем и мачо, а не лохом,
чемпионом, а не тряпкой и не пешкой,

не ботаником унылым бестолковым,
не поэтом, неспособным заработать –
кушай, милый, перед сном коктейль белковый
или вырастешь беспомощным задротом –

только польза будет от белковой пищи –
как известно, сила есть – ума не надо,
ты ж не хочешь быть униженным и нищим,
как какой-нибудь профессор по монадам?

кушай, мальчик мой, и слушай папу с мамой –
самым сильным будешь, быстрым, самым ловким,
самым главным среди главных, а не спамом,

и в красивых, как у нас, татуировках;

чтоб не вырасти дебилом бесполезным
нужно мускулы иметь как из металла,
чтобы мир прижать пятой своей железной,
так, чтоб все вокруг от страха трепетали...

Ты узнаешь, что такое сила воли:
воля вольная – магическая сила –
только небо у тебя над головою,
под тобой земля простёрта в дымке синей –

ты всевластный, всемогущий, ты великий,
независимый, свободный словно демон –
вот, малыш, какой ты будешь повелитель,
вот такое ты во сне увидел демо...

Трёхголовый милый маленький дракончик
спит на маминой груди, сопит в три носа –
спи, мой мальчик ненаглядный. День закончен.
Спи, герой мой, новый Навуходоносор...

Судьба

Не знаю, друг, где ты живешь, а я
Живу на дне – я маленькая рыбка;
Мой дом – среди бутылок и обрывков
Сетей гнилых, железок и тряпья.

Я тварь безмолвная. Таких нас здесь
Мильёны. Легион. Мы ходим стаей,
И жизнь у нас как дважды два простая -
Плыви куда и все, коль хочешь есть,
Плыви со всеми, если хочешь жить,
Виляй хвостом как все, блести боками -
А что поделать, раз судьба такая?
Молчи как все, кормись и не брюзжи.

А то в один прекрасный день сюда
Из высших водных сфер, где всё иное,
С проверкой страшный явится судак -
Как здесь на дне? Дно, часом, не двойное?
А снизу не стучат ли?..

Не стучат.
Здесь всё, конец. Капец и полный аут.
Здесь только мы живём как можем, да у

Разбитой лодки парочка шучат.
Здесь дно. А потолок у нас – вода,
Поэтому тут вечно протекает,
Жить по уши в воде – судьба такая,
Мы и не жили лучше никогда.
Хорош ли, плох, но это дом родной.
Как убеждал карась розовощёкий -
Красивых банок и блестящих стёкол
Полно здесь – словом, золотое дно.

И строго скажет нам судак: «Плотва,
Молчать и слушать всем мою команду!
Вам в помощь рыбий бог и донный ангел -
Простой пустяк я требую от вас:
Освоить пеньё хором!» – и в глаза
Посмотрит как-то ласково-сурово:
«Во вторник приступайте к тренировкам!
Срок – сорок дней. И прекратить базар!»...

И все мы будем будто под гипнозом,
Уверуем в успех, в себя, в него -
Забыв, что мы – суть дно биоценоза -
Ни ангел не поможет нам, ни бог...

Как можно песни выучиться петь,
Когда нет речевого аппарата?

Напрасный труд и сил пустая трата –
А ведь могла б со всеми потерпеть,
Могла бы, на худой конец, купить
Простой китайский синтезатор речи -
Хотя зачем? И так гремит над речкой
Песнь про этапы славного пути –
И хор многоголос и разудал -

И вот я жду, когда придёт судак
И съест меня без всякого суда
За то, что в хоре петь не научилась -
И всё, и сгину я как Наутилус -
А мне бы жить...
Да, видно, не судьба

Шиповник

С утра на поле битвы
свет плавал в шторе белой
ты рядом тихо охал
болела голова
я слово позабыла
что я сказать хотела
соображала плохо
и путалась в словах

мёд с ядом в чаше полной
страстей и ярких красок
влечёт сильней попкорна
по имени печаль
а за окном шиповник
в цветах волшебных райских
смотрел на нас с укором
и ветками качал

по шторе белокрылой
в безумной пляске витта
кружились светотени
от солнца за окном
и я глаза закрыла

чтоб ничего не видеть
ни зайчики на стенах
ни комнату вверх дном

вчера была пьяна я
а ты был очень милый
как рыжий кот пушистый
и тем пленил меня
но я прекрасно знаю
как нудны и унылы
мужчины с лёгкой шизой
при ярком свете дня

жесток и романтичен
мой поиск идеала
я правда плохо помню
что было вообще
с утра запели птички
и солнце воссияло
любовью мир наполнив
и всех живых существ

часы бегут по кругу
и солнышко в зените
июньский понедельник
прозрачен и красив

«все было очень круто»
скажу я «только ныть-то
не надо что нет денег»
и вызову такси

росток любви случайной
жизнь грубо обломала
потом тебя забыла
я в суетности дней
но мне с тех пор печально
когда шиповник алый
и тени голубые
качаются в окне

и каждый путь испытан
быть должен пионером
и опыт не во вред нам
он развивает мозг
любви хотел испить ты
но вымотал мне нервы
а также отнял время
и крышу напрочь снёс

опять настала осень
и лето пробежало
как стая сумасшедших

взбесившихся собак
снежинок кружат осы
за окнами и жалко
шиповник мой отцветший
и лето и себя

и мир наш пёстрый бранный
где розовые пони
где родственные души
и сам ты на коне
но как несётся время!
раз-два и ты покойник
и никому не нужен
финита ла коме...

Про феромоны

Недавно, пару месяцев тому как,
Иду к метро, чтоб ехать на работу,
А там, во мгле февральской белой мути,
Базарчик – мелочь всякая под боком;
Смотрю: лоток и надпись «Феромоны» –
Мужик торгует гадостью какой-то,
Толпится наш народ неугомонный:
Флаконы с бледно-розовой настойкой.
Так, что ещё придумали китайцы,
Помимо шуб и брендовых кроссовок
В ассортименте жалких имитаций?
Планшет, дешёвый ноутбук, кроссовер?

Духи «Твоя Судьба». Нет, каково, а?
Эссенции не больше ложки чайной.
И запах резкий. Ну и, блин, кого я
Смогу пленить продуктом «made in China»?
Цена сто рэ. А день на редкость мерзкий,
И у метро толпа, не время мешкать –
И, почему-то с замираньем сердца,
Купила я один флакон конечно,

И в офисе побрызгалась. И тут же,

Минут через пятнадцать, в коридоре,
Когда тащила стопку книг натужно,
А мыслями была в Кала-де Оре,
Я налетела со всего размаху
На незнакомца и сама упала,
Рассыпав книги и порвав рубаху,
Сломав каблук, очки и, вроде, палец –
Вскричав: о Боже! Что я за разиня! –
Возможно, не без лексики обценной –
А он глазами цвета майской сини
Глядел на ужас этой мизансцены...

Он оказался нашим новым шефом.
Помог мне встать, ещё и книги поднял,
Но что мог значить этот трюк волшебный –
Так до конца, похоже, и не понял.
Но я-то знала! Дело в феромонах!
Мне феромоны подкосили ноги –
Не жаль мне было туфель старомодных,
Но очень жаль, что обломался ноготь...

Мне феромоны голову вскружили –
Я записалась в зал, потом на танцы,
И стала жить какой-то новой жизнью,
Ходить в театр, по выставкам мотаться,
Покрасилась и накупила шмоток,

Спина прямая и живот подтянут –
А шеф, гляжу, всё как-то странно смотрит,
И синий взгляд его какой-то пьяный –

Он, значит, тоже жертва феромонов!
Теперь ему в мешке не спрятать шила:
Он весь во власти чувств неугомонных!
А я духи ещё не додушила...

А шеф печальным стал, вздыхает тихо;
И я боюсь, что бедный плохо кончит
В горячке с бредом, чём-то вроде тифа...
Пожалуй я куплю ещё флакончик!

Декабрь

Декабрь уже готовится взорваться
петардами, сверканьем фейерверков,
бравурностью канкана, маршей, вальсов,
обилием закусок и десертов,
шарами, мишурой, вином, шампанским,
гирляндами и хрустом целлофана,
хрустальным блеском рюмок и стаканов –
декабрь для грусти не оставит шансов,
а череда январских дней весёлых
наполнит жизнью сонный наш посёлок,
где речка, лес и небо лечат нервы
измученных Москвой пенсионеров –

и в этой круговерти новогодней,
когда случиться может что угодно,
я все забуду – не забуду только,
как больно было сердцу прошлым летом,
да толку нету вспоминать об этом –
и мне не жалко старый год нисколько...

Межсезонье

не зима ещё не осень уже
мелкий дождик заливает окно
вместо неба серо-сизая жесьть
вместо жизни прозябанье одно

ни влюбляться ни шутить не сезон
скучно грустно мне у тьмы в кабале
и гулять в такой сезон не резон
можно ноги промочить заболеть

и тогда настанет чёрная ночь
в голове огнём взойдёт менингит
и никто мне не захочет помочь
никому здесь дела нет до других

так что некому меня пожалеть
даже не с кем вместе выпить вина
в одиночестве я пью божоле
потому что межсезонье у нас

потому что в межсезонье у нас
звёзд на небе нет луна не видна
вот поэтому я выпью вина

и ещё налью и выпью одна...

Новогодний сонет

Дед Мороз, не приходи ко мне на праздник –
я пугаюсь допельгангеров и глюков,
и существ антропоморфных всяких-разных –
что ни ночь, они идут меня баюкать –

до утра вокруг кривляются и выются
в отвратительных обличьях безобразных
воплощённых искушений и соблазнов –
их до дрожи и до ужаса боюсь я;

Дед Мороз, и ты фантом обыкновенный,
как и эти горбуны и гулливеры
из оптических иллюзий и феерий –
в красной шапке, с шоколадкой Milky Way, но
за бутылку португальского портвейна
я готова хоть сейчас в тебя поверить!..

Гадание

Зажгу свечу, перемешаю карты
И погадаю на любовь и счастье –
И пусть за это карма страшной карой
Накажет – я не стану огорчаться;

Необъяснимы и волшебны чары
Лучей последних летнего заката:
Глоток александрийского муската
Согреет сердце и раскроет чакры;

Хоть нелегка любовь для предсказаний,
К тому же, карты врут – чего им верить?
Я всё равно раскладываю веер
Картинок на столе перед глазами –
И падает мне раннее свиданье –
Но я не верю карточным гаданьям..

Виноград

Унылая пора, очей очарованье...
Всё в золоте. Октябрь. Грустят в моём окне
Кусты последних астр, качая головами,
Стучит по стёклам дождь в осенней тишине;

Нет больше ничего под небом оловянным;
Не выразить печаль – оттенки слов бедней
Тонов палитры тьмы, теней, полутеней,
И потому печаль не выразить словами;

И я по вечерам топлю тоску в вине –
Промокший виноград, облезлый и поблеклый,
Утративший листву, крадётся по стене
Как тлеющий огонь – глядит в окно извне,
Трепещет на ветру, размахивает плетью –
Не пой, не пей, не плачь, красавица, при мне...

План

Я белую сову продам с аукциона –
С ней хлопотно: поить её, кормить
И когти стричь, чесать её и мыть
Мне больше никакого нет резона;

Сожгу в огне, чтоб не смущать умы,
Таро в коробке бархатной узорной,
Сушёных змей, мышей, коренья, зёрна
И череп страшный, порожденье тьмы;

В музей отправлю Брюсов календарь,
Магические книги, гороскопы,
Хрустальный шар в царапинах и сколах,
И гримуар, и прочий инвентарь –

Мне этого всего не жаль несколько -
Оставлю только чёрного кота...

Шкатулка

На чердаке, таинственном и тёмном,
В шершавом кофре как из кожи Ктулху,
Средь тусклых фото тех, кого не помню,
В бумагах старых пряталась шкатулка;

Зачем открыла я потёртый купол
С цветком и иероглифом японским?
Зачем коснулась белокурых кукол,
Собачки, мишки плюшевого, пони?

Скрипя, пришла в движение сансара –
Очнулось ото сна чужое горе,
Чужая карма, тайна – писем пара
Вспорхнула белой птицей судеб горьких –
И зло и больно мой пронзила палец
Во тьме на дне дремавшая иголка.

Maritime Waltz

С веранды кофейни, прозрачный как призрак,
За лентой блестящей тирренской лазури,
В закатных лучах, неожиданно близко,
Мне виден окутанный дымкой Везувий;

А тот, кого жду я в тени кипарисов
И пиний кривых, будто связанных в узел,
На фоне слепящей воды серебристой,
Бежит через патио с видом безумца –

А тот, кого жду – как мальчишка беспечный,
Взлетает по лестнице, издали машет
Рукой мне, смеётся – и кажется, вечность
Закончилась. Взгляды встречаются наши –
Я чувствую: это последняя встреча –
И рушится небо беззвучно и страшно...

Февраль

Откупорить шампанского бутылку,
Перечитать «Женитьбу Фигаро»...
Сурок всё спит. В окне февраль застыл – как
Сварог всемогущ и как рок суров:

Метелей и безвременья владыка
Неслышно сеет выюги серебро –
Чудес его боюсь я – чар, даров
И вечеров в морозной звёздной дымке –

Молчит февраль. Молчит Гиперборея.
Извне ни звука. Снег и тишина.
Мелькают искры в свете фонарей, и
Я чувствую, что Бог забыл о нас –
Ни марта здесь не будет, ни апреля –
Один февраль всегда. Печаль одна...

Печальная сказочка

Устав от грёз пустых и невезенья,
Дала зарок я – никаких романов,
Надежд, химер, невыполнимых планов –
Закрою дверь: ни щели, ни лазеек;

Зарок дала – но как не выпить зелье
Любовное, когда оно в стакане
Перед глазами так блестит и манит,
И радость обещает и веселье?

Но принц успел отпрыгнуть филигранно,
Когда Амур стрелял в него из лука –
И сказка обернулась мукой,
Роман – оптическим обманом,
Любовь – неизлечимой раной,
Карета – тыквой, фея – просто сукой...

Путеводитель

Ведёт меня путеводитель
На поиск счастья словно нить –
От мест родных суровых диких
К подножьям нильских пирамид –

Планшет пусть в памяти хранит
Не жалкие мои обиды
На жизнь, но Пармскую обитель
И грешной Ибицы огни,

И населённые богами
Вечнозелёные Багамы,
Где солнце плавится в воде –
Путеводитель, мой Вергилий,
Прекрасны дали голубые –
Вот только счастья нет нигде...

Сонет N13

Я, как все девушки в Москве,
Швея, и на дуде, и жница –
А ты, как честный человек,
На мне бы должен был жениться –

Но ты – увы – меня отверг –
И перевёрнута страница,
И остаётся удавиться
Мне после дождичка в четверг;

Без лишних слов ты предпочёл
Сбежать в последнюю минуту,
А мной подброшенный крючок
Вдруг отцепился почему-то –

Тебя, должно быть, дёрнул чёрт –
Чем долг теперь отдашь ему ты?..

Квадрат

Не для денег и славы, но поиска ради
замалёвывал газовой сажёй Малевич
старый холст на подрамнике в форме квадрата
без какой-либо яркой детали малейшей;

то, что было всего лишь фигурой абстрактной –
без опоры, без верха, без права и лева –
непонятым мистическим образом странным
обернулось окном в тёмный мир параллельный –

а за чёрным холстом оказалось пространство,
где за муки даруется радость сторицей,
а расплата за все прегрешенья стократна;
что опасен квадрат – это чистая правда:
если долго смотреть, то окно растворится
и затянет тебя, и не пустит обратно...

Городок

Приморский городок, такой же точно,
Как множество других, выдавших виды:
Вдоль моря пляжи, парки, бары, виллы,
А дальше – веер улиц худосочных,

И на одной, с названием цветочным,
У старой дачи я остановилась –
Там, в синей мгле, глицинии светились
И гроздья жёлтых чайных роз восточных –

На жалком хаотичном фоне быта
И экзистенциального уродства
Домов, коростой времени заросших,
Так необычны и прекрасны были
Глициний синих сказочная роскошь
И чайные светящиеся розы.

Sunset Melody

Ни тени сомнений. Что может быть проще?
Одной пару месяцев в южной глуши
Смотреть, как мистраль занавески полощет,
И ждать, наблюдая, как время бежит –

И вот, наконец, по оливковым рощам
И вдоль виноградников движется джип –
Но необъяснимо устроена жизнь,
И всё в ней изменчиво, зыбко, непрочно:

Веранда таверны в букетах левкоев
И море вдали, как натянутый шёлк,
За призрачной дымкой блаженно спокойно,
Закатное солнце по-летнему жжёт –

Встаёт, улыбаясь, и машет рукой мне
Чужой человек. Абсолютно чужой.

К Джоконде

Загадку из загадок, о Джоконда,
Я разгадала с первой же попытки –
И тайный смысл твоей полуулыбки,
Затмившей дольний мир до горизонта,

И всё, что скрыто в мимике, Джоконда,
В её многозначительности зыбкой –
Ты будто бы задумалась о ком-то –
И я одна, не мудрствуя, навскидку,

В глазах твоих презрительных и умных
Увидела и чувственность, и вызов;
Покорность – в скромном платье цвета умбры;
Понятно мне, что час свиданья близок –
И будет этот час твоим триумфом –
И ты об этом знаешь, Мона Лиза...

Камень

Пространство любви. Без конца и без края.
Здесь пепел и дым. Ни тропы, ни огня.
И камень. И надпись: счастливым – направо.
Несчастливым – налево. Вперёд – западня.

Куда же мне, камень? Направо и к раю?
Налево и в ад? Кто направит меня?
Нет, мне не вперёд к чёрным елям и пням,
Где корни змеятся, свиваясь в спирали –

Нет, мне не туда, где сгоревшие земли –
Зачем же шагаю вперёд в полутьме?
Туман прорастает сквозь бледную зелень,
Качаются тени и тени теней –
Глядит, усмехаясь, мне вслед Азazelло
И взглядом толкает меня к западне...

Чётки

Судьба в руке перебирает чётки
И думает, и всё за нас решает,
А бусины, скользя по нитке чёрной,
Шёлк шелушат и нитку разрушают –

И рвётся тонкий чёрный шёлк кручёный –
Сверкнув, летит во тьму блестящий шарик –
Судьба обрывки нити обветшалой
Узлом соединяет обречённо;

Судьба плетёт узлы неумоимо –
На чётках их навязано без счёта,
Истёрта нить, её надёжность мнима,
Всё рвётся шёлк непрочный истончённый –
Всё меньше в чётках бусин золочёных,
И мы с тобой пока ещё меж ними...

* * *